

ВИКТОР
ПРОНИН

**БУДЕТ НЕМНОЖКО
БОЛЬНО**

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»**

ЭКСМО

Виктор Пронин
Будет немножко больно

«ЭКСМО»

1995

Пронин В. А.

Будет немножко больно / В. А. Пронин — «Эксмо», 1995

Можно, конечно, проглотить любую обиду, любое оскорбление, заткнуться и тихо сидеть в уголочке. А можно взять в руки оружие и покарать нелюдей, надругавшихся над твоей любимой женщиной. Андрей избирает второй путь и методично расправляется с насильниками. Извините, ребята, будет немножко больно. Вот тут-то обидчики, а среди них первые лица города, и засуетились. А следователь Пафнутьев, который должен взять мстителя, за спиной которого пять трупов, под стражу, – отпускает его. Он очень рискует, но в затеянной им игре без риска не выиграешь... Ранее издавалась под названием «Женщина по средам»

© Пронин В. А., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виктор Пронин

Будет немножко больно

* * *

Наверное, каждый время от времени стремится к какой-нибудь берлоге в стороне от больших дорог и суматошных городов, к берлоге, в которой можно спрятаться, зализать раны. А раны приходится зализывать всем – большой ты человек или совсем тебя не видать из-под куста. И только после того, как затянутся швы, окрепнет молодая кожа, сростутся мышцы на теле, на душе, в памяти, в отношениях с кем-то, после того, как мир снова делается понятным и доступным, можно осторожно выбраться из укрытия, опасливо оглядеться и медленно двинуться к людям.

Была такая берлога и у Андрея. Он, правда, не знал еще, что это берлога, не мог называть ее берлогой, потому что не приходилось ему до сих пор прятаться от людей и зализывать раны. Пройдет немало времени, прежде чем до него дойдет – это Берлога. С большой буквы, потому что значение ее в жизни человека велико и постоянно. Конечно, он придет к этой истине, но лишь в том случае, если уцелеет, если подарит ему судьба годы, предназначенные для прозрения. А может, и не подарит.

Он приехал со Светой на мотоцикле в маленький домик на окраине деревни уже под вечер, когда садилось солнце, где-то за лесом мычали коровы, когда в воздухе разлилась благодать, тепло и мягкий свет, какой бывает разве что на иконах. Но вот-вот должен был начаться дождь – тучи шли за ними до самого города. Избушку оставил ему дядька, уехав в Москву искать счастья и удачи. Дом поначалу решил продать, но предложили такую смехотворную цену, что, обидевшись, он не стал продавать вовсе. Подарил племяннику, то бишь Андрею. И ни разу об этом не пожалел. Теперь сам иногда наезжал сюда, вспоминал детские свои годы и это... Зализывал раны. Был дядька уже в том возрасте, когда понимают – это не просто избушка, это Берлога. Никто не знал, что она есть у него, и никто бы никогда не нашел его, заберись он сюда, спасаясь от закона, от начальства, от молодой жены, подозрительной и тщеславной.

Дом был небольшой, но сделан добротно. Была в нем одна комнатка с бревенчатыми стенами, кухонька, русская печь, терраска и хозяйственный двор, в котором когда-то водилась живность, а ныне свалены дрова, сено и тот инвентарь, без которого в деревне делать нечего, – косы, лопаты, топоры. И был еще запущенный яблоневый сад. И небольшая речка в ста метрах. И большак, недавно покрытый асфальтом. Проходил он в трех километрах от деревеньки, и водители, проносясь мимо, даже не подозревали, какие сказочные места начинаются за гривкой леса. Если свернуть вовремя, попасть на незаметную для чужого глаза тропинку, выключить мотор, то можно бесшумно скатиться под уклон в самую деревню, к избушке, во двор.

Вот так, выключив мотор, скатились на мотоцикле под уклон Андрей со Светой часа полтора назад и, сев у окна, смотрели на стену дождя, шелестящую на расстоянии вытянутой руки. В стороне начинался лес, у речки покорно мокло небольшое коровье стадо. В доме пахло сырыми бревнами и старым сеном, сваленным на чердаке. Там постоянно шуршало, шла какая-то жизнь, выяснение отношений...

– Сегодня Заварзин намекнул, что пора подумать о возвращении долга, – сказал Андрей. – Как видишь, наши опасения потихоньку сбываются.

– А что он имел в виду?

– Я тоже спросил... Сколько, мол, я тебе должен. Речь не о деньгах, говорит. Что касается денег, то как раз я тебе должен, зарплату, дескать, пора выдавать. Речь о другом.

– О чем же?

– Мы, говорит, тебя выручили, теперь твоя очередь.

– Так и будете без конца друг друга выручать? Опять кого-то напугать потребовалось? – Света встревоженно посмотрела на Андрея.

– Ой, Светка! Боюсь, что к этому идет... Но теперь, наверно, он может все называть своими именами. Надо, дескать, кого-то пришить или, как они говорят, завалить.

– Андрюша, послушай глупую бабу... Сматываться тебе надо. И весь разговор.

– Они меня продадут.

– Никогда! – воскликнула Света. – Ведь они сами замараны. Да, стрелял ты, да, главная вина твоя! Да, самого сурового наказания заслуживаешь ты. Но ведь им всем тоже светит кое-что... Кто вел мотоцикл, кто увозил вас на грузовике, кто отмывал машину после операции?... Кто организовал это дурацкое пугание? Заварзин организовал. Они что, все согласны сесть на пять лет только для того, чтобы тебя посадили на пятнадцать? Нет же! Что тебя держит?

– Ты держишь... Мать.

– Значит, полная безнадега?

– Не торопи... Подожду немного. Ни на какие дела не пойду, но время потяну. Знаешь, хочу забраться в квартиру к Заварзину и там устроить хороший шмон.

– А если он тебя накроет?

– Чего мне бояться? Самое страшное позади. – Андрей усмехнулся невесело, запустил пальцы в ее светло-рыжие волосы. – Я даже знаю как. И ты мне поможешь.

– Слушай, я боюсь!

– Ты будешь делать только то, что умеешь. И ничего больше.

– А что я умею? – Во влажных сумерках вечера ее глаза сверкнули любопытством. – Ну, отвечай! – потребовала она, заметив, что он колеблется.

– Целоваться.

– И это все?

– Думаешь, это мало? Да это сила, которая движет миром! Светка! Ты себя недооцениваешь! Если ты перестанешь меня целовать... Если ты не перестанешь меня целовать, я их всех в порошок сотру! Всех!

– Хорошо... Считай, что их уже нет. Один порошок остался. Теперь скажи – что ты задумал?

– Шиш с маслом! Ничего не скажу! Только в последний момент. А то будешь думать, переживать, маяться... Не надо. Потом. А сейчас... – Он вскочил, обежал вокруг небольшого стола, накрытого старой льняной шторой, и, взяв Свету на руки, отнес в угол, где стояла большая деревянная кровать с необъятной периной и множеством подушек. – Света, послушай, что я тебе скажу... Я тебе такое скажу, такое скажу, что просто обалдеешь! Их всех не существует! Их нет. Это мы их придумали, потому что пошел дождь, потому что небо затянуло тучами, скрылось солнце и мы не смогли пойти за грибами, поняла? Дура, ты дура! Они нам придумались только потому, что у нас плохое настроение. А будет хорошее настроение, и мы придумаем других людей – веселых, щедрых! Придумаем другой город, море придумаем, пляж и киоск с мороженым! А вот сию секунду, прямо не сходя с места, я придумаю рыжие твои волосы, руки, губы, которыми ты собиралась меня целовать, и все остальное, о чем я даже подумать боюсь, но все-таки думаю, каждый день думаю и каждую минуту! Но для всего этого придется сделать одну вещь, – проговорил он с неожиданной грустью.

– Какую? – Она в полумраке попыталась рассмотреть его лицо.

– Слушай, на тебе столько всего понадето, столько понапялено... Как ты только передвигаешься?

– Несчастный! Думаешь, на тебе меньше?! Да ты же весь в ремнях, в железных пуговицах, кнопках, «молниях»!

– Рокер потому что, – серьезно ответил Андрей. – Положено.

– Сейчас я покажу, что положено, а что не положено... Знаем мы вашего брата рокера, – и Света сосредоточенно принялась расстегивать на его рубашке одну пуговицу за другой. – Сам чего без дела лежишь? Видишь, не могу до своей «молнии» дотянуться...

– Слышишь, как дождь шумит?

– Это не дождь... Это ш-шепот хорош-шенькой рыж-женькой девуш-шки, – прошептала Света на ухо Андрею.

«Мерседес» мягко вполз в распахнутые ворота и остановился посередине двора. Андрей с Махначом перебирали мотор, Феклисов, побряхтывая, зачищал жигулевское крыло перед покраской, Подгайцев, поглядывая на них из окна конторки, трепался по телефону, получая от этого какое-то больное наслаждение. Он полулежал на кушетке, закинув ногу на ногу, в руке дымилась сигаретка, говорил медленно, с придыханиями. Его узко поставленные глазки время от времени закрывались, словно бы от сладкой истомы, а когда он открывал их, то с преувеличенным вниманием рассматривал носок стоптанной туфли, пепел, готовый вот-вот сорваться с сигареты, телефонный диск, который давно бы не мешало протереть.

– Кончай трепаться, – сказал Заварзин, входя. Он взял у Подгайцева трубку и положил ее на рычаги.

– Что ты сделал?! – вскричал Подгайцев. – Важный разговор, не видишь!

– Важные разговоры не ведут лежа. Важные разговоры не могут продолжаться больше минуты. Важные разговоры нельзя вести, засыпая и просыпаясь. Заткнись, Михай. Я пять минут стоял за дверью и слушал твой маразм. Впрочем, иногда он мне напоминал оргазм.

– Я говорил с женщиной, Саша!

– Стонать по телефону – это извращение. В постели стонать надо, даже если тебе этого и не хочется. А по телефону с женщиной можно обсуждать только три вопроса – где, когда и сколько. Где ты ее оседлаешь, когда это произойдет и сколько она за это запросит.

– С женщиной о деньгах, Саша, – это так пошло! – Подгайцев все еще обижался.

– Ты кретин, Михай! Разве я что-нибудь сказал о деньгах? Сколько – это количество алых роз, которые ты ей вручишь. Сколько бутылок шампанского вам понадобится на ночь. Сколько аметистов в ожерелье, которое ты для нее уже купил. Не спорь, Михай. Ты в этом слаб. В чем-то другом ты, возможно, сильнее, но здесь... Собирай своих охламонов, буду зарплату выдавать.

– Это другое дело! Так бы и сказал! – Подгайцев так шустро мотанулся по коридору, что его длинные волосы некоторое время развевались, не успевая упасть на плечи. – Орлы! – заорал Подгайцев во дворе. – Кончай работу! Начальство деньги выдавать будет!

Наскоро ополоснув руки, все собрались в конторке. Сам Заварзин светлым праздничным пятном возвышался за столом, который Подгайцев успел застелить старой газетой.

– Ну что, мастера... Славно поработали, славно заработали. – Заварзин вынул из бокового кармана пиджака новую пачку тысячерублевков, развернул ведомость, положил на нее шариковую ручку. – Начнем! Андрей, подходи! – Заварзин отсчитал пять бумажек, сдвинул их на край стола.

Андрей взял деньги и положил их в карман. Расписался. В ведомости стояло около десятка фамилий, хотя их всех вместе с Заварзиным и Подгайцевым было вдвое меньше.

– Что-то многовато нас здесь, – проговорил он удивленно.

– Так надо, – негромко ответил Заварзин.

– А я что... Я ничего. Тебе виднее. Мое дело маленькое. – Он сделал над собой усилие и посмотрел Заварзину в глаза. До этого Андрей все отводил взгляд, не находя в себе сил взглянуть прямо, в упор. Ожидал наткнуться на злобу, ненависть, боялся, что не справится с собой, но нет, все обошлось. В глазах Заварзина он увидел лишь улыбочивое ожидание. Ну-ну, дескать, что ты еще скажешь, что там у тебя еще приготовлено. Андрей отошел за спины ребят

и сел в углу, считая разговор исчерпанным. Но Заварзин, увидев непокорность, сомнения в его действиях, решил продолжить.

– Ты прав, Андрей, мне виднее. Прав и в том, что твое дело маленькое. И совать нос, куда не положено, просто не стоит. Себе же в убыток.

– Все понял.

– А что касается ведомости, которая тебя так взволновала, то тут придется просто смириться... Так надо. У нас есть снабженцы, транспортники, слесаря. Мы должны их поощрять, правильно? Кроме того, есть и мертвые души. Как и в любой другой бухгалтерии нашей необъятной родины. Ты знаешь, что такое мертвые души?

– Догадываюсь.

– Не надо догадываться, Андрюша. Или ты что-то знаешь твердо и до конца, или совершенно не знаешь. Нарушение этого святого правила тебя уже однажды подвело. Подвело?

– Похоже на то, – уклончиво ответил Андрей.

– Не похоже, Андрюша, а так и есть. А мертвые души – это несуществующие работники. Наличие их в ведомости позволяет руководству, в данном случае мне, утаивать от государства заработанные деньги и уберечь их от налогов.

Феклисов захохотал, звонко хлопнув себя по обильным ляжкам, Махнач, как всегда, смотрел на Заварзина серьезно и настороженно, Подгайцев хмыкнул, поерзал на табуретке, хотел что-то добавить, но промолчал.

– Ладно, проехали, – сказал Андрей.

– Нет, еще не проехали. Дело в том, Андрюша, что все мы слегка мертвые души. Да-да. Про нас нельзя сказать наверняка – живые мы или уже нет. До каких пор живые, с каких пор нет... Подумай как-нибудь над этим в нерабочее время. Вопросы есть?

– Нет и не будет.

– Вот теперь вижу, что ты все понял, – удовлетворенно кивнул Заварзин, но чувствовалось, что его задело последнее слово Андрея. Покорности в них было больше, чем требовалось. А излишек был уже вызовом. – Ты вот деньги получил, а ребята еще нет... Дуй к «мерсу» и неси сюда все, что найдешь в багажнике. – Заварзин вынул из кармана пиджака связку ключей. – Вот этот от машины.

Андрей вышел, ощущая нервную дрожь. Свернув в коридор, он только там решился рассмотреть ключи. Единственное, о чем пожалел, – не было под рукой пластилина, чтобы сделать оттиски. Он медленно брел по коридору, оглядываясь по сторонам, не подвернется ли чего, не окажется ли рядом хотя бы банки с солидолом. Хотел было пробежать в гараж, но в этот момент из распахнутого окна раздался голос Заварзина:

– Быстрей, Андрюха! Мы тебя ждем!

И ему ничего не оставалось, как направиться к машине. Открыв багажник, он увидел две большие дорожные сумки. Вынул одну, вторую, захлопнул багажник и, оставив ключи в замке, понес сумки в контору. Но едва вошел, Заварзин протянул руку.

– Давай, – сказал он.

– Что?

– Ключи.

– А... Они в багажнике остались... Сейчас.

И эта его хитрость не удалась. Но Андрей все-таки был доволен – он подержал ключи в руках, успел рассмотреть, некоторые сможет узнать. Заварзин водрузил на стол сумку, со звоном вспорол «молнию», победно осмотрел всех и, запустив обе руки внутрь, вынул сразу две бутылки водки.

– О! – завизжал Феклисов. – Живем!

Заварзин тем временем вынул еще две бутылки.

– Хватит для начала?

– Для начала хватит, – кивнул Подгайцев без улыбки.

– Еще останется, – пробормотал Андрей в полном смятении, он знал, что выпито будет все, оставлять недопитое в компании было не принято.

– Посмотрим, – беззаботно ответил Заварзин. И поставил на стол еще две бутылки. Посмотрел испытующе на Андрея. Тот посрамленно молчал. Но про себя подумал: «Грядет что-то страшное». Из другой сумки Заварзин выложил копченый окорок, две буханки хлеба, пакет с помидорами, несколько бутылок минеральной воды, алюминиевые тарелочки из ресторана – там лежали отбивные с картошкой.

– Хорошо, что у тебя не оказалось третьей сумки, – подавленно сказал Махнач.

– Третьей? – удивился Заварзин. – Как не оказалось... А где же она? А, понял! Держи! – Он протянул Махначу связку ключей. – Мотанись к машине, там на заднем сиденье еще кое-что дожидается. А то ишь, говорят... Нет, ребята, вы еще не знаете, с кем связались, вы еще узнаете, – бормотал Заварзин, но Андрей заметил – поглядывает, все-таки поглядывает в окно, где у машины возился Махнач. Значит, он с нее глаз не спускает и никому здесь не доверяет. А то, что дает ключи то одному, то другому, – это игра. Если не провокация. Но в любом случае – проверка. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Махнач с ящиком пива. Не в силах удерживать его на весу, он с грохотом поставил ящик в угол. Бутылки глухо звякнули, Заварзин победно осмотрел всех.

– Каково?

– Нет слов, Саша, нет слов! – восхищенно покрутил головой Подгайцев. – Неужели все это еще можно достать? Неужели где-то еще имеется в наличии?

– Кончай, Михай, причитать! Главное, чтобы все это имелось в наличии здесь. Сейчас. У нас. Остальные пусть разбираются сами. Мы никому не докучаем своими слезами. Пусть и к нам не лезут! – сказал Заварзин с веселой злостью. – Ребята, хочу перед вами повиниться... Вы получили по пять штук. А расписался каждый за пять с гаком. Все эти мелкие излишки я на свой страх и риск бросил на стол. Надеюсь, вы не в обиде, а? Жирный, ты как?

– Какая обида, Саша! За такой стол не жалко никаких денег!

Поглядывая на Заварзина, Андрей видел, что тому не терпится побыстрее сорвать алюминиевые пробки с бутылок и разлить водку по стаканам. Он даже мог сказать, сколько нальет Заварзин в каждый стакан – не менее половины. И произнесет какой-то пустой тост, и первым выпьет, и посидит некоторое время, закрыв глаза. Андрей уже знал – Заварзин время от времени напивался. То ли это было невнятное томление души, то ли за очередным запоем стояли более простые и будничные вещи. Во всяком случае, Заварзин мог месяцами появляться трезвым, щеголять с теннисной ракеткой, и не просто щеголять, а доводить себя до изнеможения на корте. Иногда Заварзин при самой соблазнительной пьянке оставался трезвым, попивая минеральную воду, посмеиваясь и глядя, как пьянеют и теряют разум его приятели. То вдруг сам прикатывал с водкой и, не обращая внимания на слабое сопротивление своих подчиненных, закатывал такую жестокую пьянку, что все потом три дня еще чувствовали в себе ее отголоски, хандрили и сочиняли способы выздоровления – от томатного сока и кефира до похмелки, которая могла оказаться куда более суровой, чем сама пьянка.

Сегодня предполагалось нечто похожее. И отказываться от выпивки было нельзя. За этим виделось не только пренебрежение, но даже предательство, к такому человеку все начинали присматриваться и недолюбливать. Это был закон – если напиваться, то вместе.

Все еще чувствуя себя отторгнутым после накачки, Андрей пристроился к столу сбоку, но Заварзин подтащил к себе стул и хлопнул по сиденью, присаживайся, дескать. Андрею ничего не оставалось, как подчиниться. Однако чувство отторгнутости не исчезло, остальные участники застолья оставались чем-то объединенными, что-то спланивало их за столом, уставленным чудовищным количеством водки.

– Ну, – Заварзин осмотрел всех. – Надо выпить, я полагаю. Мы просто обязаны... Иначе нам не простится.

– Ничего, Саша, – сказал Подгайцев, глядя на вздрагивающую поверхность водки. – Ничего. Это всех укрепит и сплотит. Другого выхода просто не было. И пусть никого из нас не постигнет подобное.

– Ну что ж, – и Заварзин судорожно выпил до дна свою водку. Все последовали его примеру.

Андрей выпил только половину и так поставил свой стакан между тарелками, чтобы его не было видно. Хитрость удалась. Разливая вторую бутылку, Заварзин лишь немного долил в его стакан, уравнивая с остальными. Он быстро захмелел, глаза его подернулись пленкой, в движениях появилась размашистость. Но лицо осталось непривычно печальным.

Поставив локти на стол, Заварзин уставился невидящим взглядом в колбасу, нарезанную как-то рвано, с торчащими красноватыми ломтями. Остальные набросились на закуску, торопясь набить рот до того, как Заварзину придет в голову разлить по стаканам третью бутылку. Андрей ощутил волнение – подворачивался шанс, которого он ждал так долго. Появилось чувство, что он, неузнанный, находится среди врагов и ему предстоит нечто важное. Он покосился на пьянеющего Заварзина, бросил быстрый взгляд через стол – Махнач и Феклисов уминали отбивные, стараясь придать своим лицам выражение задумчивое и скорбное.

Андрей понял, что повод для сегодняшней пьянки скорее печальный, чем радостный. В окне виднелся «Мерседес», залитый лучами закатного солнца. В этом освещении он выглядел как никогда роскошным, но больше всего Андрея интересовали ключи, которые Феклисов оставил в дверце. Выволакивая ящик пива с заднего сиденья, он забыл ключи в дверце, и Заварзин о них пока не вспомнил.

– Я сейчас, – сказал Андрей, поднимаясь.

– Один уже готов, – хмыкнул Феклисов.

– Не задерживайся, – пьяно приказал Заварзин и погрозил пальцем.

Выйдя в коридор, Андрей остановился. За ним никто не шел. Донеслись слова Заварзина: «А парень был неплохой... Жаль, что так получилось...» В конце коридора Андрей оглянулся. Проход был пуст. Он вошел в комнатку, где стоял телефон. Быстро набрал номер.

– Света? Слушай внимательно. Не перебивай, только слушай. Где твой мотоцикл?

– Во дворе.

– На ходу?

– Заправиться надо.

– Срочно заправляйся. Сейчас половина восьмого. В десять ты должна стоять напротив нас в пролете завода.

– Какого завода?

– Стены напротив нашего гаража знаешь? Вот там. Маскируйся и жди. Час, два, сколько потребуется. Поняла? Все.

И Андрей положил трубку. Когда он вернулся в приемную, Заварзин разливал третью бутылку. Пьянка шла с ускорением.

– Что-то вы, ребята, маленько не в себе...

– А потому мы, Андрюша, маленько не в себе, – вразяжку проговорил Заварзин, – что повод у нас сегодня не больно веселый. Человек погиб, понял? Надежный, между прочим, человек... Зря в общем-то.

– Шефу виднее, – обронил Подгайцев.

– Ни фига ему не виднее! – вдруг закричал Заварзин. – В штаны наделал шеф, вот и все. Перетрухал! И мы тоже хороши...

– Мы сделали то, что от нас требовалось, – тихо, но твердо сказал Подгайцев. – А этот надежный парень раскололся перед поганим следователем, как... Как последнее дерьмо.

– Все правильно, – кивнул Феклисов. – Все путем, ребята.

– От нас он не ожидал такого, – хмыкнул Махнач. – Все понял, только когда я кружку с водкой поднес... Ну, ничего, ему не было больно. Когда столько выпьешь – уж ничего не помнишь.

– Мир праху его, – сказал Заварзин, в очередной раз поднимая стакан.

– Дай бог, чтоб и за наш упокой кто-нибудь выпил, – проговорил Подгайцев каким-то смазанным, пьяным голосом.

– Выпьем, – кивнул Заварзин. – Не переживай, Михей... Это я тебе обещаю.

Подгайцев быстро взглянул на него, но без страха, с ухмылкой, как бы зная что-то про себя, что-то уже прикидывая.

Андрей потерял ощущение времени. Вся его забота сводилась к тому, чтобы меньше выпить. Он прикидывался опьяневшим, неловко опрокинул свой стакан, тут же наполнил его водкой, что-то говорил и время от времени остро поглядывал за окно – ключи все еще висели на дверце «Мерседеса». После четвертой бутылки он окончательно убедился, что Заварзин не решится сегодня сесть за руль, заночует здесь. Пьянка продолжалась, и только темнеющее небо отмечало проходящие часы. Выйдя во двор, Андрей взглянул в сторону завода – ему показалось, что в провале стены полыхнули фары. Но, сколько он после этого ни всматривался, ничего не увидел. То ли Света затаилась, то ли еще не приехала.

Когда он вошел в комнату, Подгайцев разливал по стаканам пиво – значит, сейчас все пойдет еще круче. Пиво к хмелю прибавит дури, тяжести, сонливости. Андрей разлил две бутылки пива по стаканам, хотя видел, что в них оставалась и водка. Этого никто не заметил. Первым взял свой стакан, пригубил, но тут его качнуло, он с трудом выровнялся и прислонился к стене.

– Держись, парень! – хохотнул Заварзин. – Держись, Андрюха! Тебя еще ждут кое-какие испытания. Жизнь продолжается!

– Какие испытания?

– О! – протянул Заварзин, подняв вверх указательный палец. – Очень ответственные! Очень! Ну, просто невероятно ответственные. Но мы в тебя верим. С некоторых пор мы верим в него, правда, ребята? Теперь он наш. – Положив тяжелую руку на плечо, Заварзин сочно поцеловал Андрея в щеку. – Куда ему, бедному, теперь податься... Кругом одни враги, опасности, следователи шныряют по следам... Но мы с ними разберемся, правда, Андрей? Со всеми расквитаемся.

И опять Андрей расчетливо долил водку в стаканы, в которых еще были остатки пива. Эта смесь наверняка свалит самых крепких. Феклисов, уставившись перед собой, жевал, бездумно запихивая в рот кусок за куском. У Махнача взгляд остановился и глаза сошлись к переносице, к тому же он весь сотрясаясь и вздрагивая – началась икота. Подгайцев склонился над столом, и волосы его лежали среди тарелок. Заварзин, неопределенно улыбаясь чему-то, сидел со стаканом в руке и чуть кивал, как бы разговаривая с собой.

– Значит, так, ребята, – вдруг проговорил он ясным голосом. – Завтра утром мы должны навсегда забыть и эту пьянку, и повод. Ясно? И пьянку, и повод. Ничего не было. Никаких трогательных воспоминаний. Все. Я пошел спать. Хотя на посошок еще можно бы, а, Михей?

– Даже нужно. – Подгайцев неловко скovyрнул ножом пробку с горлышка бутылки. Но разлил уверенно, поровну. – Андрей, поставь пиво на место. Пусть на утро останется, а то не выживем. Саша, тебе слово.

– Ребята... Значит, так... Мы будем живы и здоровы до тех пор, пока будем держаться друг за друга. Как только кто дрогнет, так сразу каюк. Поэтому предупреждаю... Если замечу, – он с пьяной пристальностью посмотрел на Андрея, пытаясь собрать его расплывающийся образ, – если замечу, что кто-то дрогнул... Тому будет первый каюк. Это должен знать каждый. Чтоб потом не обижаться. Один вот дрогнул, и что же... Не пережил ближайшей ночи.

Не надо отрекаться, ребята. Нам уже нельзя... Самый чистый из нас – и тот тянет. – Он снова посмотрел на Андрея. – Если не на расстрел, то на десяток лет уж точно, а то и на полтора. Через пятнадцать лет никто не возвращается. Поверьте мне... Я видел некоторых... Это уже другие люди... Они немного похожи на прежних, даже могут узнать своих прежних друзей, но это другие люди. Он говорит мне: Саша, ты меня не узнаешь? Я же Ваня! Смотрю – это не Ваня. Он когда-то был Ваней... А сейчас он Ваней только притворяется. Слушайте меня... Все летят на бабах, на жадности и на водке. Ну, как мог Олег струхнуть перед этим недоделанным следователем! Как он мог выболтать...

– Он не струхнул, – сказал Подгайцев, не поднимая головы. – Он ошибся.

– В чем?!

– Неправильно оценил положение. Он решил, что если назовет шефа, то это сразу снимет все проблемы. А потом уже было поздно. Да и следователь сдуру вцепился в него, как в... Вот и все. Это не предательство. Это оплошность. И мы поступили правильно. Потому что струсить и продать он мог позже. А так ушел чистым.

– Ну и черт с ним! – с неожиданной злостью сказал Заварзин. – Будем живы! – Он залпом выпил полстакана водки, не глядя взял что-то со стола и, сунув в рот, принялся жевать. – Все. Проехали. И отвязись от нас, Олежка! Воздали мы тебе, выпили за твой упокой, и отстань. У тебя там свои дела, у нас здесь свои... Все. Жизнь продолжается.

Заварзин встал, качнувшись, но на ногах устоял, выровнялся и вышел в коридор. Там что-то гроыхнуло, что-то упало, вразнобой прогрохотали тяжелые шаги, и все стихло.

– Спекся командор, – проговорил Подгайцев. – Спать пошел. Пора и нам... Марафет наведем завтра. Я занимаю диван, а вы устраивайтесь, где хотите.

– Да у меня здесь целые хоромы, – хмыкнул Феклисов. – И у Вовчика тоже... А ты, Андрей, где?

– В гараже матрас есть... Все нормально. – И он, пошатываясь, вышел из комнаты.

На крыльце Андрей остановился. Заварзин возился с сиденьями в «Мерседесе», но у него ничего не получалось. Андрей подошел, нащупал рычаг и опустил спинку. Заварзин молча стоял рядом, раскачиваясь вместе с дверцей. Увидев, что постель готова, он вполз в машину и с надрывным стоном перевернулся на спину.

– Все, ребята... Отвалите. Я готов...

Андрей отошел с колотящимся сердцем – в кармане его куртки позвякивали заварзинские ключи. Глянул в освещенное окно – Подгайцев разливал по стаканам пиво, Феклисов и Махнач сидели за столом. Вот они встрепенулись, видимо, Подгайцев что-то сказал, без охоты взяли стаканы, выпили. Махнач тут же упал головой на стол, Феклисов тоже почти спал, откинувшись на стуле. Андрей уже знал, что в таком состоянии они могли просидеть до утра – просыпаясь, снова впадая в забытие, расталкивая друг друга и опять засыпая. Поэтому решил вмешаться в события. Войдя в комнату, он, не говоря ни слова, взял Феклисова сзади под мышки и, не обращая внимания на его слабое сопротивление, поволок в конец коридора. Втащив на кровать, снял с него туфли, расстегнул пояс, чтобы ничего не мешало ему спать спокойно и долго. Вернувшись в комнату, то же самое проделал с Махначом. Этот и не пытался сопротивляться.

– Андрей... Ты настоящий друг... Я тебе верю... Тащи меня, я вся твоя...

– Договорились.

– Свиною тебе ребята подложили, но ты уж прости... Я тоже рисковал.

– А чем ты рисковал? – спросил Андрей, когда они были уже в коридоре.

– Как чем... Жизнью... Свободой... Мы оба замазаны.

– Почему оба?

– Ты стрелял, я вел...

– И патроны ты подменил, – пробормотал Андрей. – Ты патроны подменил, я знаю.

– Не, я дурной, я бы не догадался... И не сумел бы... Водить могу, а подменить, подсу-
нуть, подложить... Не дано.

– А кто?

– О! – Махнач вдруг отстранился, откинулся на крашеную стенку коридора и, раскачи-
ваясь из стороны в сторону, погрозил Андрею пальцем. – Какой хитрый... Скажи ему, а потом
самого с балкона тью-тью... И только свист в ушах и хруст костей, брызги крови в стороны...

– Ладно, пошли. – Андрей положил себе на плечо руку Махнача и двинулся с ним вдоль
коридора. – Будто не знаю... Мне же сказали ребята.

– Что сказали? – внятно спросил Махнач, отстраняясь.

– Сказали, что ты... Пошли.

– Я?! – Неосторожно откинувшись назад, Махнач ударился затылком о стенку, но даже
не заметил этого. Взяв Андрея за рукав, он подтащил его к окну. Там, в ночной темноте, освещенный
сильной лампой, мерцал перламутром зеленый «Мерседес». Не произнося ни слова,
Махнач ткнул в него пальцем. – Понял?

– Саша? – переспросил Андрей.

– Я ничего не говорил... Думай, что хочешь. – Несмотря на смертельную дозу водки,
Махнач сохранял осторожность.

– Какая разница, – проговорил Андрей. – Дело сделано.

– Это точно. – Махнач с размаху рухнул на раскладушку. Пружины охнули от тяжести,
раскладушка поехала к стене, а Андрей скинул с ног Махнача туфли, расстегнул ремень, забро-
сил соскользнувшую ногу на матрац и вышел.

В приемной Подгайцев сидел за столом один. Подперев щеку, он смотрел в окно. Не
задерживаясь, Андрей вышел во двор и, зная, что Михей наверняка видит его, заплетающи-
мися шагами доковылял до гаража, нашел промасленный матрац, на который они ложились,
забираясь под машину, и упал на него, положив под голову подвернувшийся ватник.

– Не заснуть бы сдуру, – пробормотал он, чувствуя, что действительно может уснуть –
тоже выпил немало.

Андрей нащупал в кармане ключи – пока не складывалось, как хотелось. Появлялась воз-
можность проникнуть наконец в логово Заварзина. В какой-то момент он почувствовал, что
засыпает, но его разбудил осторожный шорох. Всмотревшись в темноту, он увидел крадущуюся
фигуру Подгайцева, мелькнувшую напротив освещенного окна. Подойдя к машине, тот загля-
нул внутрь – видимо, хотел убедиться, что Заварзин спит. Потом Андрей неожиданно услышал
шаги совсем рядом – заскрипел сухой щебень. Шаги остановились над самой головой, он даже
слышал сипловатое дыхание, на стене видел изломанную тень Подгайцева и, приоткрыв глаза,
внимательно наблюдал за ним, готовый вскочить при первых же признаках опасности. Но все
обошлось. Постояв с минуту, Подгайцев так же медленно двинулся дальше. Вот он пересек
двор, приблизился к воротам, попытался закрыть. Ему долго не удавалось с ними совладать
– как только он подтягивал одну половину ворот, из рук уходила вторая, а притянув вторую,
упускал первую. Андрей слышал, как Подгайцев вполголоса бормотал проклятия. Наконец он
ухватил обе половины ворот, свел их вместе, захлестнул петлей из ржавой цепи.

Продолжая материться, Подгайцев поднялся на крыльцо, сел на ступеньку и закурил.
Некоторое время Андрей видел вспыхивающий огонек сигареты да мятую физиономию, воз-
никающую в темноте. Вот сигаретка трассирующим огоньком отлетела в сторону. Но, сообра-
зив, что сделал оплошность, Подгайцев двинулся вслед за сигареткой и, найдя ее, принялся
настойчиво затаптывать. И лишь после этого ушел в дом.

Время тянулось бесконечно долго. Андрей ждал, когда погаснет свет в приемной и Под-
гайцев уляжется на свой диван. Он видел, как тот налил себе в стакан водки и выпил. Потом
из этого же стакана выпил пива. Что-то взял со стола и, сунув в рот, жевал, стоя под лампой с

закрытыми глазами и медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Открыв глаза, Подгайцев оглянулся с недоумением, видимо, не понимая, где находится и что с ним. А сообразив, принялся шарить руками по стене, пытаясь найти выключатель. Только по этому Андрей понял, насколько тот пьян, – Подгайцев попросту не видел ничего и лишь ощущал раздражающий свет. Наконец окно погасло.

Андрей не двигался. Он допускал хитрость Подгайцева – вдруг тот вздумает из темной приемной понаблюдать за освещенным двором? Прошло пять минут, десять. Впрочем, может быть, прошла всего минута, но Андрей больше не мог ждать. Он поднялся, прошел в глубь гаража – там была железная дверь, выходящая на пустырь. Покинув свое убежище, прислушался. Все было спокойно. Не колеблясь больше и не медля, перемахнул через забор и бросился бежать к стенам недостроенного завода. Света, наверно, услышала его издали – он неожиданно оказался в ее объятиях.

– Светка? Ты?

– Я уже думала – не придешь. Что у вас там происходит, чего вы всю ночь по двору бродите?

– Тихо... Я пьяный, как последняя сволочь... Но еще кое-что соображаю. Вести мотоцикл не смогу, садись за руль и покажи все, что умеешь.

– Куда?

– В город. Дуй, Светка, в город... Улица Вокзальная. Там покажу. Только это... без перелестов... Чтоб нас не задержали.

– Пошли. – Света уверенно шагала в полной темноте, видимо, за время ожидания неплохо изучила пустырь. Вскоре Андрей увидел знакомый контур мотоцикла. На дорогу они вывели его вместе и метров двести катили, не включая мотора. – Хватит, – сказала Света. – Садись.

Мотор взревел от одного касания ее ноги, вспыхнула фара, и машина, словно заждавшись, рванула вперед по ночному шоссе. Холодный ветер бил Андрею в лицо, выдувая алкогольные пары.

– Не упадешь? – обернулась Света.

– Авось!

Город уже спал. Только редкие окна сумрачно мерцали голубоватым светом – хозяйева смотрели телевизоры.

– Налево, – командовал Андрей. – А сейчас прямо... Прямо... Въезжай вон в те кусты и там жди. Вот так, – удовлетворенно проговорил он, когда холодные, пахнущие пылью листья полоснули его по лицу. Мотоцикл остановился. Во дворе дома не было ни души. – Все, жди, Светка, и молись. Жди и молись, – повторил он. – У тебя в багажнике топорик был... Давай его сюда... И фонарь.

– Ты что, зарубить кого-то решил? – спросила она с опаской.

– Когда решусь, тебя впутывать не стану. Все. Пока. Я должен вернуться через полчаса.

– А если не вернешься?

– Езжай домой.

– Бросить тебя здесь?

– Это будет лучше всего. Наши ребята, как я понял, – люди крутые. Твои рыжие кудри их не тронут.

– Как знать, – улыбнулась Света. – Дай я тебя обниму.

– Ой, Светка, до чего же ты красивая... Спасу нет!

То ли водка тому виной, то ли переживания последних дней притупили его восприятие, но Андрей, не таясь, быстро вошел в подъезд, поднялся на третий этаж и позвонил. Никто не отвечал. Он позвонил еще раз. И только после этого решился вставить ключ в дверь. Услышал, как сработал замок и стальная пластина ушла в сторону. Быстро вошел в темноту прихожей и

захлопнул за собой дверь. Единственное, что он слышал, – это бешеные удары собственного сердца.

Включив фонарь, Андрей обошел комнаты, кухню – нет ли здесь кого. Квартира была пуста. И тогда, не теряя времени, взялся за обыск. Решил начать со спальни, тем более что здесь мебели было немного. Диван, платяной шкаф, ящики трюмо. Он не старался не оставлять следов – пусть Заварзин почувствует беспокойство. Запертые на ключ ящики Андрей взламывал топориком, выбрасывая содержимое на пол. Подвернувшиеся три пачки сотенных в банковских упаковках без колебаний сунул в карман. Но не за этим он пришел, ему нужны были патроны. В коробках на шкафу оказалась обувь, какие-то бумаги, фотографии.

Следующей была большая комната, но и здесь патронов Андрей не нашел. Не оказалось их и на кухне, хотя он просмотрел все шкафы, красивые банки с индийским чаем, подарочные коробки с ложками, вилками, ножами.

Уже решив уходить, Андрей зашел в туалет. Здесь тоже был устроен шкаф. Раскрыв его, он насторожился. Увидел несколько коробок. Заглянул в одну – вакса, щетки. Во второй – запасы зубной пасты, мыльного крема, какие-то флаконы. Все это он безжалостно сбрасывал на пол. В третьей коробке оказались вещи самые неожиданные. Шпингалет, краник от ванны, шариковая ручка, какие-то блестящие железки. И тут сердце его дрогнуло – среди металлического хлама он увидел два желтоватых, масляно блеснувших патрона. В луче фонарика он рассмотрел у капсуля еле заметную черточку, на которую можно было вообще не обратить внимания, если бы он не знал совершенно точно, что сам процарапал ее иглой. На втором патроне была точно такая же царапинка.

– Ну вот, Саша, – проговорил он. – С тобой все ясно.

Андрей уже сунул было патроны в карман, но спохватился и бросил их в общую кучу на полу. И тут услышал то, чего больше всего боялся, – в дверь кто-то вставлял ключ. В ужасе Андрей оглянулся – в метнувшемся луче фонарика блеснул баллончик дихлофоса. На его боку была изображена не то муха, не то еще какое-то злое насекомое. Сорвав крышку с баллончика, Андрей нажал кнопку. Ударил свежая струя яда, значит, годится в дело. Применить топорик он не решился, ему и в голову не пришло воспользоваться им.

Кто-то спокойно и уверенно продолжал возиться с замком. Вот дверь открылась, вспыхнул свет в прихожей. Слышалось тяжелое дыхание – человеку, видимо, нелегко дался лестничный подъем. То ли толстый, то ли старый – успел подумать Андрей. Человек уже проходил мимо, но что-то его насторожило. Он остановился, постоял, прислушиваясь. А когда открыл дверь в темный туалет, Андрей направил сильную струю дихлофоса в широко раскрытые, удивленные глаза ночного гостя.

Дикий крик боли пронзил спокойный воздух квартиры. Закрыв лицо руками, пожилой человек бросился в комнату. Оглянувшись напоследок, Андрей вдруг увидел на полу в прихожей небольшой черный чемоданчик. Раньше его здесь не было. Значит, принес этот тип. Не раздумывая, Андрей схватил чемоданчик, на ходу изловчился открыть замок, распахнул дверь и выскочил на площадку. Толкнув дверь за собой, он, не оглядываясь, побежал вниз по лестнице. Выскочив из подъезда, сразу нырнул в кусты и тут же наткнулся на Свету. И только тогда увидел в своей руке баллончик дихлофоса. Забросив его подальше в кусты через забор детского сада, сел на заднее сиденье мотоцикла.

– Жми, Светка! Жми что есть силы, – выдохнул он ей в ухо. – Подальше отсюда, подальше.

– А я красивая?

– Даже в темноте!

– Особенно в темноте, Андрей. Особенно.

Мотоцикл рванул с места так резко, что Андрей едва удержался. Холодный ночной воздух снова бил в лицо, трепал волосы, а он, обхватив Свету и прижавшись к ней, кажется, даже

поскуливал от волнений, которые пришлось пережить в последний час. Закрыв глаза и вспоминая последние секунды в квартире Заварзина, ужас, охвативший его при звуках поворачивающегося ключа в замке, а потом дикий вопль незнакомца, Андрей подумал, что где-то видел этого человека, где-то он его видел...

Света тем временем вырулила на трассу и уже через несколько минут заглушила мотор среди бетонных стен.

– Нашел? – спросила она, отбросив шлем.

– Да.

– Взял?

– Нет, нельзя было... Он бы догадался.

– Правильно. Молодец.

– Ты видела, в подъезд кто-то заходил?

– Он тоже вошел в его квартиру? И видел тебя?

– Не успел.

– Ты с ним что-то сделал?!

– Немного... Дихлофос подвернулся... Ничего, отойдет. Это не смертельно. Свет, вот моя добыча. Чемоданчик... Можешь посмотреть, но ничего не бери. Ох, чуть не забыл. – И Андрей отдал ей пачки сторублевок.

– Да ты удачливый грабитель! – восхитилась Света.

– Немного есть.

– Не тем ты занимался до сих пор, Андрей! Ох, не тем!

– Ну вот и вышел на свою дорогу. – Он усмехнулся. – Отвези в нашу берлогу и спрячь. В подвале, в картошку зарой. И мотай оттуда. А днем я тебя найду дома.

– Заметано, – ответила Света и, опустив стекло шлема, села в седло. На этот раз Андрей даже не сделал попытки поцеловать ее. Включив мотор, она почти бесшумно выехала на трассу и только там набрала скорость.

Пробравшись к гаражам, Андрей некоторое время лежал за оградой, но ничего подозрительного не увидел. Окна были погашены, «Мерседес» стоял посреди двора с распахнутыми дверцами. Перевалив через ограду, он нашел в темноте железную дверь, протиснулся в нее. Постоял, прислушиваясь, и проскользнул к своему лежаку. «Неужели обошлось?» – подумал. Над крышей гаража звезды сияли по-летнему густо и ясно, но узкий месяц побледнел, сместился к городу и теперь отражался в перламутровой крыше «Мерседеса». Прошумел утренний ветер в ветвях деревьев. На фоне светлеющего неба раскачивались колючие листья чертополоха, лиловые кисти тяжелых цветов.

«Ключи!» – вспомнил Андрей. Нашупав в кармане связку, он поднялся, чуть враскачку вышел на середину двора и, проходя мимо «Мерседеса», уронил ключи в пыль. Не останавливаясь, прошел к водопроводному крану и, подставив голову под холодную струю, еще раз осмотрел двор. Напился, ополоснул руки, смывая с них ночные похождения. Вернувшись, снова лег и закрыл глаза.

Сна не было, опасность выветрила остатки хмеля, и он смог восстановить каждый свой шаг. Даже теперь, вспоминая неожиданную встречу в квартире Заварзина, Андрей чувствовал, как сердце его начинало биться учащенно. Хорошо все – таки, что не пришлось применить топорик. Он вспомнил, что был в перчатках, – Света увезла их вместе с чемоданчиком. Значит, и здесь вроде ничего не забыл.

С этой мыслью Андрей заснул. Ему снилось, что он бежал босиком по холодной проселочной дороге, над ним при ясном дне горели неправдоподобно громадные звезды. А бежал он длинными тягучими прыжками, стремясь как можно реже касаться дороги – в пыли время от времени попадались торчащие гвозди. Ему везло – гвоздь он замечал рядом со ступней, в метре, а то он оказывался как раз между пальцами. Гвозди торчали из дороги все гуще, но он

оставался неуязвимым, ему везло. И что-то заставляло его бежать, не останавливаясь, дальше, дальше... А проснулся он, когда все уже были на ногах, неприкаянно бродили по двору, прикладываясь то к водопроводному крану, то к остаткам пива.

Заварзин медленно прошел по своей обесчещенной квартире, поддал ногой коробку, запутался в какой-то тряпке, с раздражением отцепил ее от ноги. Внимательно осмотрел подоконник, форточку, пол возле окон – никаких следов. Включив свет в прихожей, долго рассматривал диковинные замки, которые, казалось, обещали жизнь спокойную и надежную. И на замках не нашел ни царапины. Вздохнув, Заварзин прошел в ванную и подставил голову под струю холодной воды. Боль в затылке отпускала, но совсем не исчезала и через несколько минут наваливалась снова. Заварзин знал, что теперь до самого вечера ему придется страдать – похмелье он переносил тяжело. Утренняя рюмка не помогала, от нее становилось еще хуже. После короткого облегчения боль возвращалась, к тому же угнетало ощущение подавленности, бессмысленности существования, а это было еще неприятнее. Он знал – маяться ему часов до пяти вечера, потом можно выпить немного водки, вот тогда она поможет, не раньше.

Заварзин прошел в комнату, нащупал кресло и осторожно опустился в него. Глаза его, казалось, не могли двигаться, и, чтобы посмотреть в сторону, он вынужден был поворачивать голову, а каждое движение оживляло задремавшую боль, она вспыхивала, медленно набухала, раздувалась и вот уже, округлая и несуразная, ворочалась где-то в затылке, перемещалась к виску, и было такое ощущение, будто бугром выпирала из лба. Заварзин некоторое время сидел с закрытыми глазами, но все-таки нашел в себе силы собраться.

– Хватит, – сказал он как-то искаженно, но, поняв, что слово это получилось у него невнятно, повторил уже четче: – Хватит стонать. Рассказывайте, Илья Матвеевич.

Перед ним сидел человек, который, похоже, страдал не меньше – лицо его было закрыто мокрым полотенцем, изредка он тихо, сквозь зубы не то постанывал, не то поскуливал. Голдобов пошевелился, подтянул к себе вытянутые ноги, распрямился в кресле, снял с лица полотенце. Было такое впечатление, что он сутки напролет рыдал – красные опухшие глаза, пятна на щеках, бесформенный нос. Но ночные страдания отразились не только на глазах Голдобова, он словно потерял уверенность в себе, выглядел слабым, почти беспомощным.

– Саша... Значит, так... Все, как договаривались. После двух я подошел к дому...

– Кого-нибудь встретили?

– Никого. Ни единой души.

– Дальше. – Заварзин снова откинул голову на спинку кресла, глядя на посверкивающую хрусталиками люстру. Колкие искорки отдались в голове новой болью, и он прикрыл глаза.

– Вхожу. Что-то меня насторожило... То ли скрип какой, то ли шорох, не знаю. Включаю в прихожей свет – все спокойно. И тут увидел возле туалета, у самой двери... Вроде как мусор, набросано, беспорядок, коробки валяются. Подумал, может быть, кот... Но у тебя нет кота. Дверь в туалет прикрыта не полностью, коробки не позволяли. Заглядываю в туалет... И тут мне в глаза струя какой-то гадости... Боль дикая... Я закрываю глаза и чувствую, что струя бьет мне в нос, в рот. Рванул в комнату, упал на пол, катаюсь по этому ковру... Сколько это продолжалось – не знаю, не могу сказать.

– А дальше?

– Вдоль стен пополз в ванную. Знаешь, было такое чувство, что если они еще в квартире – пусть добивают.

– Сколько их было?

– Не знаю. В какой-то момент я пробрался к двери и убедился – заперта. Значит, ушли. Чемодан исчез. Когда в глаза плеснули, я стоял с чемоданом. И выронил. Наверно, они и прихватили, уходя.

– Так... Значит, знали, что вы придете? Получается, что попросту поджидали вас?

– Не знаю, Саша... Не знаю.

– Утечку информации допустили, Илья Матвеевич. Нехорошо.

– Заткнись, Саша... Подумай лучше, кому проболтался ты... Ведь они знали, что тебя в эту ночь не будет? Откуда? Только от тебя самого. – Голос Голдобова окреп, в нем появилась привычная властность.

– Неужели знали? – Заварзин неосторожно опустил голову и тут же снова откинулся на спинку кресла. – Неужели знали? – с сомнением проговорил он.

– Вот и подумай. – Голдобов сидел с красными, распухшими глазами, в мокрой майке, со всклокоченными волосами и смотрел на Заварзина зло и ненавидяще. – Из-за тебя я подзалетел, Саша. Еще хорошо кончилось. Могли и чем потяжелее ударить. Так что поприкинь – кто мог знать? И заодно подумай – у кого могли быть ключи от твоей квартиры. Когда я входил сюда – замки сработали четко. Они не были взломаны. Окна заперты изнутри. Думай, Саша, думай. Тебе вообще не мешает почаще думать, а то, я смотрю, ты как-то расслабился.

– Никак полегчало? – усмехнулся Заварзин в потолок.

– Да, мне стало легче. Но не думаю, что тебя ждет такое же облегчение, Саша. Подумай, что они могли искать, что могли найти. Про мой чемоданчик никто не знал, это точно. Только в последний момент я решил забросить его сюда. В последний момент.

– Я знал об этом раньше, – неуверенно проговорил Заварзин.

– Вот это меня и смущает. Там у тебя в холодильнике что-то есть... Похмелись, не страдай.

– Не могу, – жалобно сказал Заварзин. – Похмеляться не могу... Хуже будет.

– Значит, еще не спился. Это хорошо. Глядишь, сгодишься на что-нибудь... Не очень ответственное.

– Ладно, не добивайте. – Заварзин поднялся с кресла. – К вечеру буду в норме.

– До вечера еще много чего случится. – Голдобов снял с дивана рубашку, надел ее, пытается приобрести вид если и не бравый, то хотя бы приличный, прошел в ванную.

Оставшись один, Заварзин закурил, подошел к окну. Рядом стояла небольшая табуретка, видимо, для того и предназначенная, – он встал на нее, и лицо его оказалось как раз на уровне открытой форточка. Так и курил – вдыхая свежий воздух и выпуская дым на улицу. Услышав, что Голдобов вышел из ванной, он положил окурочок на палец и щелчком послал его в верхушки деревьев, которые раскачивались под окном.

Направляясь на кухню, Заварзин невольно задержался у туалета. Увидев два латунных патрона, поднял их, взвесил на ладони, раздумчиво подбросил несколько раз, словно не зная, как с ними поступить, – что-то его озадачило. Поколебавшись, опустил желтые цилиндрики в карман пиджака.

Решив позвонить Подгайцеву и уже начав набирать номер телефона, Заварзин остановился, что-то сдерживало его, что-то все время настораживало. С подозрением посмотрев на телефонную трубку, он медленно положил ее на рычаги. Его небольшие глазки, обрамленные короткими жесткими ресницами, еще раз обежали квартиру. На крупном лице Заварзина застыло выражение злости и беспомощности. Взломай ночные гости дверь, все было бы ясно – грабеж. За каждой добротной дверью этой мелюзге вонючей мерещатся видики, магнитофоны, кассеты и прочая дрянь. Если бы остались следы на форточке, на подоконнике, тоже ясно – забрались с крыши. Но ведь здесь, в квартире, шел самый настоящий обыск – вот что более всего смущало Заварзина. Вывернутые ящики, сыпанные на пол коробки, пакеты говорят только об одном – что-то искали.

Но как они могли попасть сюда, как проникли? С выражением полнейшего недоумения Заварзин еще осмотрел замки – они уже не вызывали в нем ощущения неуязвимости. И, выглянув во двор, он ничего подозрительного не заметил. Никто не следил за ним, никто не поджидал. И «Мерседес» стоял на обычном месте, призывно сияя на солнце. Впервые Заварзин

поймал себя на том, что не испытывает при виде этой машины ни радости, ни волнения и не хочется ему сесть за руль на зависть всем прохожим. А ведь еще вчера каждая поездка была для него маленьким праздником...

Все-таки подошел Заварзин к телефону, пересилил себя. Позвонил в приемную Голдобова.

– Привет, – сказал он краснокудрой Жанне. – Какие новости? Илья Матвеевич интересуется.

– Был звонок из прокуратуры.

– Анцышка?

– Нет. Следователь. Его фамилия... только не смейся, – она сверилась с записью, – его фамилия Пафнутьев.

– И что он?

– Мне кажется, он приглашал Илью Матвеевича на допрос.

– На допрос, Жанна, не приглашают. На допрос вызывают. Или приводят. Смотря по обстоятельствам. Но при чем здесь Илья? Его же не было в городе! Он был за тысячу километров отсюда! – И, не дожидаясь ответа, Заварзин положил трубку.

Голдобов сидел в низком кресле, положив сжатые кулаки на подлокотники и глядя исподлобья прямо перед собой. Когда Заварзин вошел, он невольно наткнулся на этот его тяжелый невидящий взгляд.

– Поздравляю, Илья Матвеевич... Вас ждет большая радость – следователь Пафнутьев желает с вами познакомиться.

Но тот то ли не слышал Заварзина, то ли не считал нужным ответить, то ли не было в его словах ничего такого, на что стоило бы отвечать.

– Где ты ночуешь? – произнес наконец Голдобов. – Где тебя черти носят по ночам? Ты ведь знал, что я должен подойти?

– В кооперативе задержались с ребятами.

– Нажрались?

– За упокой невинной души пригубили, – попытался улыбнуться Заварзин, но Голдобов шутки не принял.

– Дерьмо! – произнес он.

– Кто?

– Ты.

– Да? – усмехнулся Заварзин. – Не надо так, Илья Матвеевич, не стоит. – Он опустился в кресло, сжав на подлокотниках побелевшие ладони, словно боясь, что они выйдут из подчинения. – Не надо, – повторил он чуть слышно. – Чего не бывает в жизни... Все может случиться... Сегодня со мной, завтра с вами...

– Может или уже случилось? – с тихим бешенством спросил Голдобов. Он, кажется, окончательно пришел в себя.

– И то, и другое, Илья Матвеевич. – Заварзин чаще, чем требовалось, называл Голдобова по имени и отчеству, и были в этом подчеркнутом почтении непокорность, вызов. – Поговорим спокойнее, Илья Матвеевич.

– Ты знаешь, что было в чемоданчике?

– Догадываюсь.

– Ты догадываешься, а я знаю.

– Никак зелененькие? – усмехнулся Заварзин.

– Не только. И доллары – не самое ценное, что там было.

– Что же, Илья Матвеевич? Что может быть дороже и желаннее? – Заварзин явно шел на нарушение сложившихся отношений. Когда Голдобов соблюдал нормы вежливости, Заварзин терпел. Он знал, кто главный, но оскорбления прямого и сознательного не просал.

- Там была компра, – негромко и внятно произнес Голдобов.
- На кого? – задал Заварзин вопрос и сразу понял – ответа не будет.
- Там были документы, которые позволяли мне, а значит, и тебе, чувствовать себя спокойно. Что бы ни случилось. Теперь понял, что мы потеряли?
- Как не понять, Илья Матвеевич, – вздохнул Заварзин. – Как не понять.
- Кто мог забраться к тебе в квартиру?
- Официальное правосудие так не действует. Ночью, тайком... Им нужны протоколы, свидетели, понятые, акты изъятия, постановление на обыск. И так далее. Здесь все было иначе.
- Это был обыск или ограбление?
- Кое-что, конечно, похищено. Но так, по мелочи. Однако же есть и признаки обыска. Что-то искали. Причем явно нервничали, взламывать было не обязательно, поскольку рядом, в соседнем гнезде, торчали ключи от этих же ящичков. Такое впечатление, что они нарочно хотели оставить следы, нашкодить... Или же действовали в панике, в спешке, не зная, куда ткнуться.
- Откуда у них твои ключи? – Голдобов изменил направление разговора, изменил и тон. Заварзин понял, что его подозревают. – Скажи мне, дорогой Саша, откуда у шелупони подзаборной оказались ключи от твоих финских, шведских и прочих замков? Ведь не было взлома, не было отмычки, у таких замков не может быть отмычки. Не было отжатия, потому что твоя дверь, изготовленная в моих мастерских, не поддается отжатию. Там были использованы ключи от этих замков. Именно от этих, Саша! – прокричал Голдобов прямо в лицо Заварзину. – Как ты это объясняешь?
- Вы так спрашиваете, Илья Матвеевич, что мне даже показалось...
- Плевать я хотел на то, что тебе показалось!
- Заварзин помолчал, наливаясь обидой и гневом, потом полез в карман и с силой припечатал к столу связку ключей.
- Вот! Они всегда при мне. К ним пристегнут автомобильный ключ, поэтому я ни шагу не могу ступить без этой связки. Кольцо спаяно, ни один ключ отстегнуть невозможно. Вы сами на этом настояли, Илья Матвеевич! Это ваш совет – спаять кольцо.
- Да, был такой разговор, – неохотно согласился Голдобов.
- Должен вам напомнить, дорогой Илья Матвеевич, что такие же ключи есть и у вас.
- Голдобов молча поднялся, пошарил в карманах и положил перед Заварзиным ключи на тонком блестящем колечке. Потом, не говоря ни слова, снова сунул их в карман.
- Понял? – спросил он. – И никто, ни одна живая душа не знает, откуда эти ключи, куда можно проникнуть с их помощью, где замки, которые можно отпереть этими ключами. Я пользовался ими только два или три раза.
- Знаю, – кивнул Заварзин. – Когда одна красotka никак не могла найти место для ночевки.
- Чем они плеснули мне в глаза? – спросил Голдобов, немного успокоенный тем, что у Заварзина ключи оказались в порядке.
- В туалете стоял небольшой баллончик дихлофоса... Жара, в комнате комары летают... Иногда перед сном я выпускаю в воздух немного этой отравы. Скорее всего они приняли вас за очень большого комара.
- Да так удачно, что я всю ночь глаза держал под проточной водой.
- Значит, пригодилась моя отравка. Вам еще повезло. Не окажись дихлофоса, неизвестно, до чего бы дело дошло... Так что вы хорошо отделались.
- Никто еще не отделался, Саша, – тихо проговорил Голдобов, снимая остроту разговора и как бы извиняясь за обиду. – Никто. Говоришь, звонил следователь, который занимается Пахомовым? Вызывает на допрос?
- Похоже на то, Илья Матвеевич.

– А! – Голдобов досадливо махнул рукой. – Он, видишь ли, был моим водителем... Мы, видишь ли, давно знакомы... Его жена, видишь ли... Анцышка заверял меня, что поручил дело последнему дураку. Если этот Пафнутьев у них последний дурак, то могу себе представить, как работает первый дурак. Уж больно цепким оказался. Слышишь? Я говорю, что Пафнутьев оказался слишком цепким.

– Отстранить от дела! Пусть Анцышка и займется.

– Нельзя. Пока нельзя. Но вот если с ним что-то случится... Тогда другое дело. – Голдобов бросил быстрый взгляд на Заварзина, и тот опустил голову, чуть заметно кивнув. – Жехова он расколол так быстро, что... Пришлось принимать срочные меры. Колов в штаны наделал, а это с ним бывает нечасто.

– Еще повезло, что успели.

– Да вроде сошло. Дело не возбудили, уже хорошо. И Колову легче – отчетность будет лучше, все-таки несчастный случай. Но Пафнутьев... Он и на тебя вышел. Ты это должен знать – на тебя он вышел. Мне доложили ребята из автоинспекции. С этим зеленым лимузином мы погорячились. Жди вызова.

– Пока не вызывал.

– Теперь этот ночной визит... Не нравится мне это, ох, не нравится. Полная неизвестность – вот что плохо.

– Выясним, – заверил Заварзин.

– Чувствую свежий ветерок за спиной, – вздохнул Голдобов, – чувствую холодный сквознячок последнее время. Это нехорошо.

– Может, написать заявление в милицию? Пусть поработают, пусть поищут моих ночных гостей, а?

– Не надо, – Голдобов нервно постучал короткими толстыми пальцами по подлокотнику, – не надо. Все-таки не надо... Чемоданчик больно... Чреватый. Ах, как жаль чемоданчика, как жаль! Опять же Пафнутьев...

– Утрясем, – сказал Заварзин.

Голдобов промолчал и этим как бы дал согласие. Более того, молчание прозвучало почти требованием. Заварзин лишь усмехнулся про себя, он понял хитрость Голдобова – тот вроде ни о чем не просил, ни на чем не настаивал, но приказ отдал.

– Ты все понял?

– О чем вы?

– Ночные гости висят на тебе. Мы не сможем работать дальше, если не будем знать все. Сейчас даже не знаем, как понимать, как к этому относиться. И меня беспокоит этот придурочный следователь.

– Может быть, поговорить с Анцышкой?

– Пока говорю с тобой. И больше ни с кем. Ты понял? Никто, кроме нас с тобой, об этом разговоре не знает. Никакой Колов, никакая Анцышка. И шантрапу свою приструни. Ложимся на дно. Никаких пьянок, сделок, разборок. Честно зарабатывайте свой хлеб ремонтом машин. И старайтесь ремонтировать качественно. Чтобы никому и в голову не пришло жаловаться. Заведите книгу благодарностей. Просмотрите свои карманы, ящики столов, склады, номера телефонов. Ложимся на дно, Саша.

– Я понял, Илья Матвеевич. Думаете, есть опасность?

– Опасность всегда есть.

– Но если ложимся на дно... Как быть с Пафнутьевым? – спросил Заварзин, зная заранее, что не произнесет Голдобов ничего внятного.

– Думай, Саша. Решай. Как сказал классик – твори, выдумывай, пробуй. – Он с силой хлопнул Заварзина по плечу.

До кооператива «Автолюбитель» Пафнутьев добрался на попутном «Москвиче» – пыльном, дребезжащем, щелястом. Похоже, хозяин давно использовал его для хозяйственных нужд – картошка, удобрения, строительство дачи.

– Спасибо, дорогой. – И Пафнутьев с облегчением шагнул из машины на прожженную солнцем обочину. Даже сквозь подошву туфель он чувствовал жар дороги. Железные ворота были приоткрыты, и он свободно прошел во двор. К нему тут же направился длинноволосый сутулый парень с маленькими, узко поставленными глазками.

– Вы, простите, по какому вопросу?

– Следователь. – Пафнутьев привычно показал красные корочки удостоверения. – Прокуратура. Пафнутьев. Павел Николаевич.

– Подгайцев.

– Очень приятно.

– И мне очень приятно.

– Жара...

– Да, просто нечем дышать.

– Тяжелая у вас работенка!

– Да я смотрю, и у вас не легче.

– Вот и познакомились.

Пафнутьев ходил по гаражу, улыбочиво рассматривая хозяйство – от склада запасных частей до ремонтных ям. Везде было ему любопытно, все вызывало неподдельный, почти детский интерес. Подгайцев охотно отвечал на несложные вопросы, но проскальзывало в его ответах и насмешливое ожидание – что, мол, дальше? Он понимал, что разговор впереди, и приглядывался, привыкал к новому человеку, пытаясь понять его цель. Пафнутьев тоже не торопился с подозрениями. Помещение ему показалось достаточно просторным и неплохо приспособленным для ремонта машин. Однако в то же время он отметил запущенность, какое-то пренебрежение к самой работе. Ремонтные ямы неплохо бы почистить, убрать лишние детали, промасленное тряпье, сваленное в углу гаража, можно вообще вынести на пустырь и сжечь, а запчасти – разложить на полках, чтобы все было под рукой, на виду, а то ведь нужно немало покопаться в этой куче, чтобы найти необходимую деталь.

Как ни сопротивлялся Пафнутьев, но не мог от этого отделаться – ему казалось, что многое в гараже как бы на показ, словно кто-то спешно, на скорую руку стремился создать видимость ремонтных мастерских. Здесь почему-то курили, хотя пожар мог вспыхнуть от одной небрежно брошенной сигареты. Освещение внутри было явно слабое, работать при таком свете невозможно. И одинокий «жигуленок» с поднятым капотом не убеждал Пафнутьева. Сомнения его множилось, и он их уже не останавливал, чувствовал, что его обманывают. Так бывает – еще вроде бы ничего не сказано, но в воздухе стоит запах обмана. И он сделал первый вывод – рабочее место не выглядело рабочим. Проходя мимо «жигуленка», мимоходом провел рукой по дверце, а отойдя, посмотрел на пальцы. Так и есть – густой слой пыли. Причем пыли не дорожной. К машине последнюю неделю наверняка не притрагивались.

За Пафнутьевым, не отпуская его ни на шаг, плелся длинноволосый парень, назвавшийся Подгайцевым. Он несколько раз порывался что-то объяснить, Пафнутьев кивал благодарно, не прерывая его, но вопросов не задавал, и Подгайцев замолчал. Лишь изредка посылал ребятам, разбросанным по двору, какие-то сигналы – не то успокаивал, не то призывал к бдительности.

– Сколько вас здесь работает? – неожиданно повернулся к нему Пафнутьев как раз в тот момент, когда Подгайцев махал кому-то рукой.

– Четверо. Я и трое механиков. Они все здесь, кстати.

– Значит, вы и есть самый главный?

– Нет, я бригадир. Есть еще директор или, правильнее сказать, председатель кооператива.

– Как его зовут?

- Саша... Простите, Александр Заварзин.
- Это он по городу на «Мерседесе» разъезжает?
- Кто его знает. – Подгайцев на всякий случай уклонился от ответа.
- Не понял? – повернулся к нему Пафнутьев. – Вы механик, ремонтируете автомобили, в своем деле профессионал... И не знаете, какая машина у вашего председателя?
- Видите ли, – Подгайцев понял, что слегка влип, – тут такое дело... Конечно, я знаю, на какой машине он ездит. Знаю, в каком она состоянии, сколько километров прошла, сколько литров бензина жрет. Но машина – это нечто личное, почти интимное, – он усмехнулся, – и говорить о ней без хозяина... Это все равно что обсуждать прелести его жены. Мне так кажется.
- Надо же! – покачал головой Пафнутьев. – Забавно. Ну а все-таки зеленый «Мерседес» – его машина?
- Я не знаю, какой «Мерседес» вы имеете в виду.
- Плывете, гражданин Подгайцев, плывете. Причем на ровном месте.
- Это в каком смысле?
- В прямом. Я задаю, можно сказать, самый невинный вопрос. А вы юлите. Следовательно, делаю вывод – вам есть что скрывать.
- Это ваша работа, – замкнулся Подгайцев.
- Конечно. Но вопрос повторяю: зеленый «Мерседес» 54—78 – машина Заварзина?
- Д...да, – с трудом выдавил из себя Подгайцев.
- Слава тебе господи! – воскликнул Пафнутьев. И подумал: «А отчего, собственно, он так опаслив, этот тип? Почему вздрагивает, едва я поворачиваюсь к нему? Почему смотрят за каждым моим шагом эти любознательные механики, почему не работают?»
- Возможно, на месте Пафнутьева другой следователь, более тонкий и проницательный, смог бы увидеть больше, глубже понял бы характер кооператива, взаимоотношения работников, но даже то, что оказалось доступным Пафнутьеву, насторожило его и еще раз заставило усомниться в истинности всего, что он видел и слышал. Его опасались.
- Простите, – заговорил идущий сзади Подгайцев, – а чем, собственно, вызван ваш приезд? Чем мы заинтересовали прокуратуру?
- О! – весело рассмеялся Пафнутьев. – Наконец-то я слышу вопрос, который вы должны были задать с самого начала!
- Не решался, – развел руками Подгайцев. – Власть все-таки! Надо вести себя почтительно.
- Какая власть! – махнул рукой Пафнутьев. – Была власть, да вся вышла... Ну и жара, а? Ужас какой-то! Неужели она когда-нибудь кончится? Вы бы хоть двор изредка поливали, деревья бы вдоль забора посадили.
- Посадим, – кивнул Подгайцев с таким видом, будто выслушал указание заезжего начальства. – Все сделаем. Со временем. Деревья посадим, цветы, новые ворота поставим.
- Чем вызван, спрашиваете?... Любопытством. Самое невинное человеческое качество. Дело в том, что ваш шеф, Заварзин, владелец роскошного «Мерседеса»...
- Да ну, роскошного! – пренебрежительно сказал Подгайцев. – Ему уж десять лет. Сто тысяч километров накрутил.
- Да? – удивился Пафнутьев. – А говорят, что невероятной красоты машина... Я, правда, не видел. Так вот, Заварзин знает одного человека, вернее, знал. Пахомова некоего. Убили его недавно.
- Не слышал.
- Да? – удивился Пафнутьев. – Странно.
- Что же здесь странного?

– Ну, как же, вы не слышали того, о чем весь город гудит уже который день! Так вот, я как раз занимаюсь расследованием этого убийства. Ребята сработали так ловко, что... Но следы оставили, голубчики мои ненаглядные.

– Следы? – осевшим голосом спросил Подгайцев.

– Конечно! А как же! Следы всегда остаются! Наши эксперты тоже не оплошали. Ну, ладно, это уже, как говорится, следственные подробности. Давайте так сделаем... Вы занимайтесь своим делом, не буду вам мешать, а я пока подожду вашего председателя. Посижу возле краника.

– Он может и не приехать.

– Подожду. – Пафнутьев плеснул себе в лицо водой, радостно пофыркал, разбрызгивая воду, вытер руки носовым платком, уселся в тени и, раскрыв блокнот, углубился в него, вроде бы полностью уйдя в свои заботы.

Подгайцев ушел в конторку, и некоторое время во дворе не было ни души. Потом из дверей показался толстоватый парень, за ним показался еще один, с короткой стрижкой, причем непривычной какой-то – почти выбритая сзади шея и длинные патлы на темечке. Подойдя к «жигуленку», оба принялись с интересом рассматривать его внутренности.

Пафнутьеву вспомнилось, как однажды по следовательским делам он зашел в театр на утреннюю репетицию и вынужден был больше часа сидеть в пустом темном зале, поджидая нужного ему актера. Он наблюдал, как постепенно складывалась сцена, как герои находили свои места, начинали замечать друг друга.

Нечто похожее происходило сейчас перед его глазами. Три работничка никак не могли заняться осмысленным делом. Без всякой цели они подошли к машине и, забыв, что нужен инструмент, принялись шарить руками в моторе, что-то трогать, говорить друг другу какие-то слова...

Пафнутьев даже развеселился – сколько же они будут вот так разыгрывать перед ним сцену? И зачем? Будь он гораздо глупее, и то вынужден был бы сделать вывод – или они не умеют работать, или им приходится заниматься этим чрезвычайно редко, или вообще здесь заняты другим.

И тут щемящее чувство узнавания охватило его – он наблюдал за бестолковыми перемещениями длинноволосого Подгайцева, толстяка, модно выстриженного парня, и не покидало его ощущение, что он знает эту троицу. Может, сон был, может, давнее воспоминание? Или кто-то говорил о них? Страницу за страницей он перелистывал свой блокнот с записями, которые имели смысл только для него... «Пропажа пленок» – и дата. «Вызов к Анцыферову. У него Колов». «Слежка». «Сорвался с балкона?» «Бедная Инякина»... «Стоп, – сказал себе Пафнутьев. – Здесь что-то стало горячее... Инякина... Красивая девушка, только слегка запуганная... Припугнули ее...»

И он вспомнил.

Именно этих, во всяком случае, очень на них похожих, описывала Инякина, когда рассказывала, как ее затащили в машину. Правильно, вот запись... Один – патлатый, с длинными волосами, второй – неопрятный толстяк, а третьего, за рулем, она запомнила только по стрижке, назвала его стриженным...

«Боже, да я, кажется, в самое гнездо попал!» – воскликнул про себя Пафнутьев, и от его расслабленного состояния не осталось и следа. Все правильно – Патлатый, Толстяк и Стриженный... Так и будем их величать.

Чтобы не выдать своего состояния, Пафнутьев подобрал с земли прутик и принялся чертить по земле, вроде бы скучая, вроде бы совершенно не интересуясь ничем вокруг. Рядом звучали голоса, грохотали железки, ребята покрикивали друг на друга, а Пафнутьев, склонившись над влажной землей, приходил в себя от ошарашивающего открытия. Его отвлек автомобильный гудок, подняв голову, он увидел, что это мотоцикл. Парень в шлеме, закрывающем

все лицо, и в черной куртке на скорости въехал во двор и резко затормозил у самой колонки, обдав Пафнутьева жаром разогретого мотора. Не успел следователь произнести и слова, как на крыльце возник Подгайцев.

– Андрей! – крикнул он. – Зайди сюда... Быстрей! Тебя к телефону! Уже третий раз звонят!

– Иду! – Парень на ходу сбросил шлем и побежал к конторе.

«Не иначе как боится Подгайцев, что я задам неподготовленному человеку каверзный вопрос, – подумал Пафнутьев. – Чудак, невдомек ему, что нет у меня никаких вопросов, осталось только желание побыстрее смотаться отсюда».

Снова на крыльце показался Подгайцев. Найдя глазам Пафнутьева, он направился к нему.

– Звонил Заварзин, – сказал он. – Предупредил, что его сегодня не будет.

– Вы сказали, что я его жду?

– Не успел... Он нас не балует долгими разговорами... Скажет, что считает нужным, и тут же вешает трубку. Хозяин. – Подгайцев виновато развел руками.

– Жаль, – вздохнул Пафнутьев и поднялся. – Жаль. Придется пригласить в прокуратуру, уж коли здесь побеседовать не удалось.

– Пригласите, – кивнул Подгайцев. – Не знаю, правда, сможет ли он... Дел, как всегда, по горло.

– Сможет. Можете мне поверить, – Пафнутьев заговорил жестче, понимая, что их разговор станет известным Заварзину не позже чем через пять минут. Оглянувшись, он заметил, что члены кооператива неотрывно наблюдали за ним, у всех в руках были инструменты – у кого монтировка, у кого ключ. – Уезжаю, ребята, – сказал он. – Извините, что не смог побыть подольше. Но если Заварзина не будет, то и мне здесь делать нечего.

– Ну что ж, – протянул Подгайцев. – Рады были познакомиться.

– Один вопрос – как добраться до города? – спросил Пафнутьев. – Может, подбросишь? – обратился он к Андрею. – Тут недалеко, а для такого мастера, как ты... Минутное дело. А? – Он повернулся к Подгайцеву.

– Подбросит, – солидно кивнул тот. – Он у нас такой водила, что вы и ахнуть не успеете, как окажетесь в прокуратуре. А, Андрей? Доставишь товарища следователя?

– Можно.

– Только это... Без фокусов. Спокойно. Он должен быть на месте живым и невредимым. Я правильно понимаю задачу? – Подгайцев, кажется, впервые посмотрел Пафнутьеву в глаза.

– Спасибо. – Пафнутьев пожал его узкую потную ладонку, ощутив ее какую-то не то вялость, не то дряблость. Для механика слабовата ладонка, подумал он.

Андрей надел шлем, развернул мотоцикл, подкатил к Пафнутьеву. Почти неуловимым движением нажал на педаль, мотор заработал четко и уверенно.

– Отлаженная машина! – искренне восхитился Пафнутьев. – Чувствуется рука мастера.

– Стараемся, – проговорил Андрей. Его голос из-под шлема прозвучал глухо и искаженно.

Пафнутьев взгромоздился на заднее сиденье, ухватился за ручку, обернулся.

– Спасибо, ребята! До скорой встречи, как говорится! Пока!

Мотоцикл резко дернулся, проскочил сквозь узкую щель в воротах и через несколько секунд мчался по горячей проселочной дороге.

– Давно водишь? – прокричал Пафнутьев.

Не отвечая, Андрей поднял руку и показал три пальца.

– Три года? Я думал, больше... Хватка профессиональная. В соревнованиях не участвовал?

Андрей покачал рукой из стороны в сторону.

– Кишка тонка! – крикнул он, повернув голову к Пафнутьеву.

– Скромничаешь! Хочешь, устрою?

На этот раз рука Андрея оторвалась от руля и сделала в воздухе несколько вращательных движений – дескать, кто его знает, стоит ли.

– Потом поговорим! – крикнул Пафнутьев и замолчал до самого города.

Подгайцев долгим взглядом проводил удалявшийся мотоцикл, вернулся в комнату и сел к телефону. Его движения были сосредоточены, словно он боялся отвлечься и забыть о главном.

– Саша, – сказал он, услышав голос Заварзина. – Значит, так... Выехал. Только что. Да, обещал прислать тебе повестку. Якобы ты знал Пахомова. Твоим лимузином интересовался, знает номер. Говорит, наследили ребята в переулке. Конкретно ничего не сказал, но похвастался. Андрей его подбросит к прокуратуре. Думаю, стоит подойти и посмотреть, как это произойдет. Они там будут минут через пятнадцать. Как скажешь, – обиженно произнес Подгайцев и положил трубку. Озабоченно вышел на крыльцо, окинул нервным взглядом свое хозяйство – нет ли где такого, чего не замечал он и что мог заметить следователь? Машина в ремонте, механики с инструментом, трезвые...

– Все в порядке? – спросил Феклисов.

– Нет.

– А что? Подзалетели на чем-то?

– Если следователь появился на третий день... Значит, наследили. Да он и сам об этом сказал.

– Ведь спрашивал Заварзина...

– Во всяком случае, он так сказал. Зря я Андрея с ним отпустил, ох, зря.

– Думаешь, расколется? – спросил Махнач.

– Дело не в этом... Чую, что зря. Не надо было. Он не так прост, этот Пафнутьев... Как бы и с ним не пришлось разбираться.

– Многовато будет, – опасливо сказал Феклисов. – Что-то мы зачисти последние время.

– Семь бед – один ответ. Если сразу не смогли чисто сработать, приходится зачищать.

– Сколько ж можно... зачищать? – пробормотал Махнач.

– Пока не станет чисто. Тут от нас уже ничего не зависит. Понял?

Пафнутьев ехал, плотно прижавшись к Андрею своим большим жарким телом. И тот чувствовал себя сжатым не только этим человеком с простоватой улыбкой, его сдавили события, из которых он никак не мог вывернуться. Подкатив к самому крыльцу прокуратуры, он подождал, пока следователь неловко сполз с сиденья, и уже хотел было рвануть с места легко и освобожденно, но Пафнутьев остановил его.

– Погоди, – сказал он беззаботно. – Уж коли приехал, возьми повестку для Заварзина. А то пока почта доставит, неделя пройдет.

– Я и так могу сказать, – попробовал было отвертеться Андрей, но Пафнутьев не принял отговорок.

– Нет, – он покачал головой. – У нас, старик, так не принято. Заварзин не придет и будет говорить, что ты ничего не сказал, что он перепутал время, число и так далее. Да и мне спокойнее. Повестка вручена, а там уж пусть сам решает – являться или не являться. Пошли. Оформлю повестку и вручу тебе.

– Да я здесь лучше посижу.

– Ну что, мне так и бегать по двору? – Пафнутьев беспомощно развел руками. – Не бойся, отсюда твой мотоцикл не угонят. Да и вернешься через пару минут. Пошли, старик, не робей. Посмотришь, в каких условиях работаем.

Сняв шлем, Андрей нехотя поплелся вслед за Пафнутьевым. Волосы его взмокли, торчали в стороны, но он даже не пытался привести их в какое-то причесанное состояние. Молча

прошел через двор, поднялся по ступенькам. Пафнутьев пропустил его вперед, сам вошел следом, и это невинное вроде бы обстоятельство лишило Андрея равновесия. В какой-то момент уже решил было сбежать – пока этот неповоротливый следователь сообразит, в чем дело, он успеет выскочить на мотоцикле со двора. Но Пафнутьев, словно угадав его намерение, взял сзади за локоть, плотно взял, не просто из вежливости.

– Вот мы и пришли. – Пафнутьев распахнул дверь своего кабинета и подтолкнул Андрея сзади. – Садись, а я пока сбегаю в канцелярию за повесткой. – Он сделал неприметный знак Дубовику – дескать, присмотри за парнишкой. Тот кивнул, а едва Пафнутьев вышел, со скупым видом поднялся, подошел к шкафу у двери, раскрыл его так, что дверцы полностью перекрыли входную дверь, и принялся что-то искать, заглядывая в какие-то папки. Поняв, что мимо этого длинноносого типа ему никак не проскочить, Андрей решил пока подождать. Он с удивлением смотрел на вещдоки, загромождавшие кабинетик, на все эти железки, ружья, с легким ужасом увидел торчавшую из газетного свертка высохшую человеческую ладонь, окровавленный нож, топор в странной тряпке, от одного вида которой хотелось бежать подальше.

– Ну, как тут у нас, ничего? – спросил Дубовик, не отрываясь от папки.

– Ничего. Жить можно.

– Потому и живем.

А Пафнутьев тем временем с необычной для него живостью пробежал в конец коридора, постучал в дверь эксперта. Там какое-то время стояла тишина, потом что-то прошелестело. Пафнутьев постучал еще раз. Дверь открылась, и показалась прищуренная физиономия Худолея.

– А, это ты... Чего ломишься? Снимки печатаю.

– Слушай внимательно...

– Видишь ли, Паша, – начал было Худолей, вынимая сигареты из кармана, но Пафнутьев затолкал сигареты опять в карман его рубашки.

– Заткнись и слушай. Во дворе стоит мотоцикл. Ты должен срочно пройти к нему и посмотреть заднее колесо. Сними на пленку, если увидишь чего необычного. Помнишь тот треугольничек? Через пять минут выйдет хозяин мотоцикла. Он в моем кабинете. Все понял?

– Надо же было предупредить! У меня аппарат не заряжен. Да и пленка...

– Если через пять минут не снимешь колеса, я задушу тебя собственными руками, – прошипел Пафнутьев с яростью, и Худолей понял – тот не шутит, что-то похожее может сделать.

– Паша. – Он прижал красные ладошки к груди.

– Будет! – заверил Пафнутьев.

– Тогда другое дело. – В движениях эксперта сразу появились уверенность, неотвратимая кошачья мягкость.

– Ну что, старик, заскучал? – Пафнутьев бодро вошел в кабинетик, отодвинул в сторону Дубовика, который сразу нашел то, что так долго и безуспешно искал. – Тесновато у нас, но ты уж не взыщи... У вас в гараже свободнее, да и конторка побольше нашей, а?

– Не знаю. – Увидев, что Пафнутьев достал повестку не из кармана, а из стола, Андрей усмехнулся: – Оказывается, бланки у вас были?

– Старик, а согласовать?! А записать в журнал! А поставить в известность! Лучше скажи – ты слышал что-нибудь об убийстве несколько дней назад в центре города?

– А что я мог слышать... Убили кого-то, а кого, кто, за что...

– Тебе легче, – вздохнул Пафнутьев. – Мне вот приходится этим делом заниматься с утра до вечера.

– А к нам зачем приезжали?

– Шефа вашего искал, Заварзина.

– Он что... Имеет какое-то отношение?

– Черт его знает! – Пафнутьев искоса глянул на напряженное лицо Андрея. Так бывает: помотришь на чей-то портрет и видишь куда больше, чем он вроде бы позволяет, – настроение человека, его слабость, озлобленность, глупость, доверчивость... И Пафнутьев, взглянув на Андрея, вдруг остро ощутил, что состояние парня никак не соответствует невинному положению, в котором он оказался здесь. Неторопливо и старательно выводя буквы, Пафнутьев выписал повестку, что-то переспросил у Андрея, уточнил, над чем-то про себя хмыкнул. И все больше убеждался – тот не просто напряжен, он почти в панике. И тогда взгляд Пафнутьева сам по себе соскользнул с лица Андрея к его левому плечу, по руке вниз и зашарил, зашарил там возле локтевого изгиба.

– Где ты у нас вымазаться успел? – проговорил Пафнутьев самым невинным тоном, на который только был способен в этот момент. И, подойдя к парню, несколько раз с силой стряхнул что-то с его левого рукава. И увидел, все-таки увидел мелкие проблески древесных занозок. После этого невозмутимо сел за стол, расписался на повестке. Почувствовав перемену в настроении следователя, Андрей забеспокоился.

– А этот, Заварзин... Он подозревается?

– Ну, ты даешь, старик!.. – воскликнул Пафнутьев. – Заварзин знаком с начальником управления торговли, а у начальника убитый служил водителем. Может, чего знает, подскажет... Кроме того, он знаком с женой убитого, на красивой своей машине катает ее иногда. Вот и мелькнула у меня шальная мыслишка – может, во всех этих знакомствах и удастся зернышко найти. Как думаешь?

– Не знаю. – Андрей невольно взглянул на левый рукав своей куртки – у него осталось ощущение, что надо бы его почистить.

– Сейчас шлепну печать, и все. – Пафнутьев поднялся и вышел, успев бросить выразительный взгляд на Дубовика.

Выйдя на крыльцо, он увидел странную картину – Худолей лежал на земле, пристраиваясь к заднему колесу мотоцикла. Обернувшись на Пафнутьева, он сделал успокаивающий жест рукой – не беспокойся, все в порядке. Щелкнув еще несколько раз, вскочил и, не отряхиваясь, бросился к крыльцу.

– Паша! – свистяще прошептал Худолей. – Паша, я тебя поздравляю! Это он! Это он, Паша, поверь мне! Я едва взглянул на треугольничек, сразу понял!

– Значит, есть треугольник?

– Есть, Паша! Есть!

– Тот самый?

– Он, Паша!

– Быстро в лабораторию. Мне пора его выпускать.

– Не делай этого, Паша! Его пора брать, а не выпускать! У тебя все доказательства!

– Боюсь, цепочка оборвется. Смотри, не потеряй и эту пленку.

– А я и ту не терял!

– Все! Хватит! Пока!

И Пафнутьев быстро прошел в свой кабинет.

Убедившись, что больше ничего интересного не увидит, поднялся с дальней скамейки и Заварзин. С возрастающим ужасом он наблюдал, как суетился вокруг мотоцикла эксперт с фотоаппаратом, как перебросился он несколькими словами с Пафнутьевым, как вместе вошли они в здание. «Загремел парень», – подумал Заварзин, но в последний момент грохот двери заставил его оглянуться – со ступенек сбежал и направился к своему мотоциклу Андрей.

– Ах, вон ты какой хитрый, – проговорил Заварзин. – Ишь, какой ловкий следователь нам попался!

Через соседний двор он вышел на улицу, как раз к тому месту, где стоял «Мерседес».

Яркое утреннее солнце светило в окно, ветерок проникал в открытую форточку, шевелил шторы. Свежий воздух всю ночь втекал в комнату. Лариса проснулась рано и чувствовала себя слабой, но выздоровевшей. Не болела голова, не мучила жажда, в теле была легкость. Появились силы разговаривать, принимать решения, она поняла, что многое зависит от нее и есть люди, которым стоит ее опасаться.

Окно выходило в заросший сквер, но сейчас Лариса была даже рада его запущенности – здесь никого никогда не было, разве что к вечеру собирались мужички распить бутылку-вторую. Лариса прошла на кухню, недоуменно осмотрелась. Немытая посуда, остатки пищи на полу, подсохшая колбаса, корки хлеба... Открыв холодильник, усмехнулась понимающе – там стояло не меньше пяти бутылок водки. Хорошей водки, на «Золотое кольцо» не поспешил Голдобов. «Водкой откупиться решил мужик», – жестко подумала Лариса и захлопнула холодильник. Пить не хотелось. Более того, одна мысль о выпивке вызывала отвращение.

Не торопясь, продумывая каждое движение, она поставила на газовую плиту турку, вылила в нее чашку воды. Подумала, включила газ. Потом взяла баночку с кофе. Так... Газ горит, вода залита, кофе всыпан... Вроде все. Остается подождать, пока закипит вода.

Кофе пила маленькими глотками и чувствовала, что напиток работает. Уходит сон, остатки ночной разморенности, появляется желание что-то делать. Это хорошо. Лариса сидела за загроможденным столом, освободив лишь место для чашки. На грязную посуду смотрела с безразличием.

И вдруг вспомнился сегодняшней сон. Снился муж, но как-то странно – он был совсем молоденький, каким встретила его лет десять назад. Николай возникал перед ней в самых разных местах, где бы она ни оказалась. На улице, в какой-то перенаселенной конторе, в бескрайнем поле – он неизменно оказывался рядом, улыбался и молчал. Ни единого слова так и не произнес. Пропадал, снова появлялся, и настолько ясно, четко, что у нее на какое-то время появилось жутковатое предчувствие – Николай и сейчас, через секунду, может возникнуть перед ней – улыбочивый, молодой и молчаливый. Она уже потянулась к холодильнику, чтобы налить себе водки, но остановилась. Да, он что-то хотел сказать ей, что-то давал понять, но не решался произнести вслух... Неожиданно в сознании возникли слова, которые Николай мучительно хотел произнести там, во сне, но так и не решился или же не смог... «Ты знаешь, ты все знаешь...» Да, именно эти слова были в его глазах.

Раздался телефонный звонок. Трубку она подняла с невозмутимой усталостью:

- Слушаю.
- Здравствуй, Лариса.
- Здравствуй, Илья.
- Как поживаешь?
- Прекрасно.
- Что-нибудь нужно?
- Нет.
- У тебя все в порядке? – Голдобов был растерян ее немногословностью.
- Да.
- Что снилось?
- Николай.
- Прости.
- За что?
- Я подъеду к тебе, – сказал Голдобов, намереваясь положить трубку.
- Не надо, – успела сказать Лариса.
- Почему?
- Не хочу.
- Плохое настроение?

– Ничуть.

– В чем же дело?

– Отвали, Илья.

И положила трубку.

И подумала – он будет здесь через пятнадцать минут. И настолько хорошо его знала, что заранее открыла дверь, чтобы не подниматься, когда он войдет.

Лариса ошиблась – Голдобов приехал через полчаса. Вошел быстро, порывисто, пытаясь как-то расшевелить ее. Лариса все так же сидела за кухонным столом, заканчивая вторую чашку кофе. Голдобов молча подошел, поцеловал в щеку, потянулся было к шее, но она отстранила его.

– Слушай, какая-то ты не в форме. – Он присел перед ней на корточки.

– А вчера я была в форме? А позавчера? Когда я валялась пьяная вот на этом полу – ты мне этого не говорил. Что же ты называешь моей формой, Илья? Думаешь, не знаю, зачем ты забил холодильник этим дерьмом. – Она распахнула дверцу и показала на ряд бутылок.

– Зачем так, Лариса!

– Я позволяла накачивать себя потому, что мне так хотелось, понял? Не потому, что ты такой хитрый, ловкий, нет, Илья. Я позволяла тебе быть таким или казаться таким. Понимай, как тебе приятнее. А ты ведь даже не попытался вытащить меня из запоя. Более того, сделал все, чтобы запой продолжался. Не понимаю, что тебе мешало прийти однажды, открыть газовые краны и уйти. Я бы умерла, даже не протрезвев. Очень чистая была бы работа. Ты оплошал, Илья.

– Хочешь сказать... – начал Голдобов, но Лариса перебила его.

– Оплошал, не отказывайся... И пожалеешь об этом. Неужели не приходило в голову такое простое решение?

– Приходило, – кивнул он.

– Мне тоже, – сказала она. – Не знаю, как и удержалась. Думаю, ты не открыл краники, полагая, что я это сделаю сама. Видишь, не оправдала твоих надежд. Опять не оправдала.

– Что ты несешь?! – воскликнул он, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Как ты можешь, Лариса?!

– А почему нет? Я теперь все могу. Мне теперь все можно. И думать, и говорить, и поступать.

– Это с каких же пор?

– С тех пор, Илья, как ты убрал Николая. Мы так не договаривались. Мы не договаривались с тобой об убийстве. А ты, Илья, совершил убийство. Нарушил договоренность.

– Лариса, послушай меня внимательно. Я сам был вне себя от горя! Прервал отпуск и примчался сюда, как только узнал о случившемся. Произошло дикое недоразумение. Я просил ребят поговорить с ним, припугнуть, если уж на то пошло, но так... ты даже представить не можешь, что я с ними сделал!

– Почему же не могу, очень даже хорошо могу представить. – Она передернула плечом. – Ты строго постучал пальцем по столу. И заплатил больше, чем полагалось. Вот и все.

– Послушай, Лариса... Кто-то тебя сбил с толку!

– Илья... Ты отчаянный человек, энергичный, честолюбивый... Этого у тебя не отнимешь. Но ты не очень умный человек, Илья. Ты дурак. Потому что только человек невысоких умственных способностей может других считать такими недоумками. Если бы твои костоправы подстерегли Николая ночью, избили, слегка не рассчитали удары... Все могло быть. Но то, что произошло, то, как произошло... Иначе и не могло кончиться. Убийство было предусмотрено, Илья. Я видела Николая в морге, меня возили на опознание, оказывается, это очень нужное дело – опознание. Так вот, у него на месте груди яма. Провал. А ты говоришь, что ребята пого-рячились... Не надо, Илья.

– У нас неприятности.
– Уже? – спросила она без интереса.
– А ты знала, что они будут? – спросил Голдобов с подозрением.
– Конечно. Ты думал, что убийство – это конец? Нет, только начало. Не знаю, кто из вас уцелеет, не знаю.

– Ты уцелеешь, – обронил он.
– Боюсь, что после этого разговора и мне не выжить.
– За кого ты меня принимаешь? Лариса!
– Мне кажется, Илья, ты сам до конца не знаешь о своих способностях. Ты не один раз говорил, что тебя ничто не остановит. В тех или иных случаях... Я поверила. И теперь еще раз убедилась, ты говорил правду. Тебя ничто не остановит. Ты доказал это. Поэтому я вполне отдаю себе отчет в том, что мне грозит за такие непочтительные речи.

Голдобов подошел к холодильнику, вынул бутылку водки, с хрустом свинтил пробку, налил в первый попавшийся стакан и выпил.

– Тебе налить? – спросил у Ларисы.
– Конечно, нет.
– Как хочешь. Что намерена делать?
– Не знаю... Не решила. Подумаю.
– Тебе нужно уехать. Подальше и надолго. Так будет лучше для всех нас.
– Особенно для тебя, – криво усмехнулась Лариса.
– Нет, Лариса, – зло сказал он. – Особенно для тебя. Ты ведь тоже слегка... замарана. Ты тоже нуждаешься в спасении. Не меньше, чем другие. В том, что случилось с Николаем, есть и твоя вина.

– Есть, Илья... Тут ты прав... Вина есть. Но убийца – ты.
– Нет, – улыбнулся он, показав редковатые зубы. – Я просил ребят поговорить с Николаем, не более. Он рассылал разоблачительные письма, и ты знаешь, почему он это делал, – ты изменять ему начала направо и налево.

– В основном налево. С тобой, Илья. Я знаю, все понимаю и все помню. Но от всех вас я отличаюсь. Есть маленькое различие...

– Ну?
– Я не хочу спасаться.
– Да? – Он раздумчиво посмотрел на нее, налил себе еще водки, медленно выпил, не спуская глаз с Ларисы, задержался взглядом на распахнувшемся халате, она сознательно не хотела его поправлять и сидела, закинув ногу на ногу – единственное, что сделала, чтобы прикрыть наготу.

– Тебе надо уехать. Я позабочусь об этом. – Голдобов вдвинул стакан в грязную посуду на столе.

– Никуда не поеду.
– Поедешь. Лариса. Я тебе обещаю. Все. Пока. Убрала бы на кухне... Воняет, – сказал уже из коридора и вышел, с силой захлопнув дверь.

– Воняет ему, – усмехнулась Лариса. – Привыкай, дорогой. Бланды похлебаешь – не к тому привыкнешь. Запахи ему здесь не нравятся, скажите, пожалуйста!

Анцыферов смотрел на сидящую перед ним Ларису и не столько слушал ее, сколько рассматривал. Ну что ж, думал, Голдобова можно понять, с такой и я бы не отказался... пообщаться в ночное время, впрочем, не только в ночное. Но вскоре он оставил свои шаловливые мысли и с ужасом слушал Ларису. А она открытым текстом говорила об убийстве мужа, о том, что оплатил убийство Голдобов, она складывала на столе черновики писем, которые муж рассылал во все правовые службы, включая и эту вот прокуратуру.

– Вы утверждаете, что Голдобов организовал убийство, находясь в тысяче километров отсюда?

– А разве это столь уж невозможно? Разве имеет большое значение – находится он в тысяче метров от убийства или в тысяче километров?

– Да, действительно, – растерянно ответил Анцыферов.

– Чтобы оплатить убийство, разве обязательно присутствовать при нем?

– Возможно, вы и правы... Но дело в том, что нужны основания... Голдобов – уважаемый человек, известный в городе, кормилец наш, можно сказать, поскольку является начальником управления торговли. И что с бухты-барахты...

Лариса иронически смотрела на прокурора и поняла – пришла зря.

– Разрешите? – В дверь заглянул Пафнутьев.

– Потом, Паша, потом, – отмахнулся Анцыферов, но Пафнутьев оказался не столь хорошо воспитан, как хотелось бы прокурору. Увидев Ларису и лишь в коридоре вспомнив, кто это, он снова вошел.

– Лариса Анатольевна, если не ошибаюсь? – радостно улыбнулся Пафнутьев. – Здравствуйте, Лариса Анатольевна! Как вы себя чувствуете?

– Павел Николаевич, о самочувствии поговорите, когда она выйдет из этого кабинета, хорошо? – Анцыферов мог иногда говорить настолько холодно, что неподготовленного человека пробирал мороз.

– Вы полагаете, выйдет?

– А что ей может помешать?

– Вы полагаете, ничто не помешает?

– Ну, не запрю же я ее в шкафу! – возмутился Анцыферов.

– Вы полагаете, не найдется, кому это сделать? – Пафнутьев улыбнулся широко и беспечно.

– Здравствуйте, – наконец произнесла Лариса. – Я узнала вас. Вы ведете следствие по убийству Николая. Может быть, ему тоже интересно узнать то, что я рассказываю? – повернулась она к Анцыферову. – Уж коли он ищет убийцу, а я прямо его называю, настаиваю на том, что это сделал Голдобов... А?

– Видите ли, Лариса Анатольевна, – значительно проговорил Анцыферов, – вы пришли к прокурору города. И позвольте мне решать, кого пригласить к нашей беседе, а с кем повременить. Согласны?

– Извините, я думала...

– О, да вы и документы принесли! – воскликнул Пафнутьев так, словно ничего не слышал. – Я смотрю, там не меньше двадцати страниц, – говорил он, стоя на пороге и тем выполняя пожелание начальства – не входить в кабинет. – С таким количеством доказательств мы найдем убийцу к вечеру. И, разумеется, задержим его! Да, там не меньше двадцати страниц...

– Двадцать две, я посчитала. – Лариса доверчиво обернулась к Пафнутьеву. – Вы меня простите, пожалуйста, – обернулась она к Анцыферову, – но прошлый раз, когда этот товарищ приходил ко мне, я была... Как бы это сказать...

– Немного уставшая, – подсказал Пафнутьев, вкрадчиво приближаясь к столу.

– Да. – Она благодарно улыбнулась следователю. – И мы не смогли поговорить подробно.

– Павел Николаевич! – Анцыферов обрел наконец твердость. – Я приглашу вас, когда это будет необходимо.

– Прошу прощения. – Пафнутьев опять попятился к двери, но успел, успел из коридора заговорщически подмигнуть Анцыферову – дескать, мы-то знаем, как себя вести, мы-то всегда договоримся, уважаемый Леонард Леонидович.

Когда дверь за Пафнутьевым закрылась, Анцыферов некоторое время барабанил пальцами по полированной поверхности стола, словно пытаясь забыть о грубом вторжении, которое позволил себе подчиненный.

– Знаете, Лариса Анатольевна, – грустно проговорил Анцыферов, решив, видимо, что грусть наиболее уместна для продолжения разговора, – разумеется, вы имеете право на любые подозрения... – Анцыферов встал, прошелся в задумчивости по кабинету, показывая поджарую фигуру, костюм-тройку, озабоченность судьбой этой красивой несчастной женщины. Лариса внимательно смотрела на него, ожидая, что прокурор как-то закончит свою мысль, но, не дождавшись, решила продолжить сама.

– Разве я что-то говорила о подозрениях?

– А разве...

– Я говорила о том, что знаю. Но не о том, в чем сомневаюсь.

– Но, насколько мне известно... Вы с Голдобовым вместе...

– Если вам интересно, что именно мы с Голдобовым делали вместе, то могу сказать. – Волна неуправляемой злости подкатила к ее груди. – Мы вместе работали. Ездили в командировки. Спали в одной кровати. Могу поделиться подробностями, если это интересно. Но тем более вы должны доверять моим словам...

– А не вызваны ли они личными отношениями? – усмехнулся Анцыферов, обрадовавшись подсказке, которую Лариса дала сама. – Обычно после того, как люди побывают в одной постели, отношения между ними могут развиваться в самом неожиданном направлении. Поверьте, Лариса Анатольевна, мне с этим приходится сталкиваться едва ли не каждый день.

Лариса сидела, глядя в пол, и, казалось, ничего не видела вокруг, но, когда Анцыферов мягкими шагами подошел к ней сзади и потянулся к листкам бумаги, которые она принесла, Лариса быстро положила на них руку.

– Простите? – удивился Анцыферов. – Мне показалось, что вы принесли их для ознакомления.

– Но ведь вы с ними ознакомились?

– Я должен иметь документы под рукой, их необходимо зарегистрировать...

– Мне хочется поговорить со следователем, который занимается убийством. Если вы не возражаете.

– Разумеется! Он знает об этом куда больше меня. А знаете, не поступить ли нам таким образом... Пафнутьев прекрасный человек и отличный следователь... Но, боюсь, у него не хватит сил, чтобы совладать с Голдобовым, если вдруг ваши слова подтвердятся. Голдобов вхож во все советы, исполкомы, комитеты... Он депутат, неприкосновенная личность. А я помогу вам встретиться с начальником милиции, с генералом Коловым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.